

Ника Мур • Мой папа гардемарин. Развод отменяется

Мой папа гардемарин. «Развод отменяется»

Ника Мур

попаданец

Ника Мур

**Мой папа Гардемарин!
Развод отменяется.**

«Литнет»

2026

Мур Н.

Мой папа Гардемарин! Развод отменяется. / Н. Мур — «Литнет»,
2026

— Десять лет брака коту под хвост, Федор. Я подаю на развод, — мои руки дрожали, но голос был тверд. — У тебя есть месяц, чтобы найти жилье. Муж только зло усмехнулся, потянувшись к очередной бутылке. А через час его сердце остановилось. Пять минут клинической смерти изменили всё. В тело моего спившегося мужа вернулся... не он. Тот, кто теперь смотрит на меня его глазами, не знает, что такое смартфон, но зато знает, что такое «честь офицера». Он не помнит пин-код от карты, но готов вызвать на дуэль любого, кто косо посмотрит на нашего сына. Он пахнет морем, держит спину так, будто на нем невидимый мундир, и называет меня «сударыней». Я — историк, и я знаю этот взгляд. Так смотрели мужчины триста лет назад. Мой сын в восторге: «Мам, папа теперь как настоящий герой из книжки!». А я... я боюсь. Боюсь влюбиться в человека, который носит лицо моего мужа, но не имеет с ним ничего общего. В тексте вас ждут: ✓ Герой со стальным стержнем: офицер из прошлого в шоке от гаджетов, но не от жизненных трудностей. ✓ Сильная героиня: историк, которая первой поймет, что в мужа подселился «кто-то не тот». ✓ Преображение семьи: из руин и предательства — к настоящему счастью (от ненависти до любви) ✓ Сын-юнга: трогательная линия воспитания из слабого мальчика настоящего мужчины. ✓ Бытовой юмор и жгучая страсть: как ужиться с женщиной из эпохи парусов в современной квартире?

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Михаил)	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6(Михаил/Марс)	40
Глава 7	46
Глава 8(Марс/Михаил)	51
Глава 9	58
Глава 10	65
Глава 11	71
Глава 12(Марс)	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Липкий круг на дубовой столешнице никак не поддавался тряпке. Я терла его с каким-то остервенением, глядя, как волокна микрофибры безнадежно цепляются за застывшую каплю вчерашнего пива. Этот стол мы выбирали вместе десять лет назад. Тогда он казался нам фундаментом будущей крепости, местом, где мы будем собирать друзей, лепить с детьми пельмени по воскресеньям и праздновать годовщины.

Теперь дуб почернел, покрылся шрамами от ножей и ожогами от сигарет, которые Федор начал тушить прямо о дерево, когда перестал стесняться своей деградации.

Я — историк. Моя работа — изучать руины, описывать упадок империй и анализировать причины краха великих династий. Ирония судьбы заключалась в том, что я просмотрела падение собственного государства.

Моя личная «Византия» превратилась в пепелище прямо у меня на глазах, а я всё пыталась реставрировать фасады, пока крыша не рухнула нам на головы. В коридоре послышался шорох. Я замерла, сжимая тряпку. Этот звук я научилась различать среди тысячи других: тихий, вкрадчивый шаг человека, который боится привлечь к себе внимание.

Ярослав. Мой девятилетний сын, который в собственном доме передвигался как по минному полю.

— Мам? — он заглянул в кухню, потирая заспанные глаза. Волосы смешно топорщились на макушке, но в его взгляде не было детской беззаботности. Дети алкоголиков взрослеют не годами, а часами, проведенными в ожидании очередного скандала.

— Он еще спит?

— Спит, Ярик. Иди завтракать.

Я быстро убрала тряпку и натянула на лицо привычную маску «спокойной мамы». Сын сел за стол, аккуратно отодвинув локти от того самого липкого пятна. Я

поставила перед ним тарелку с кашей и стакан сока. Он ел молча, прислушиваясь к каждому звуку, долетавшему из спальни. Там, за закрытой дверью, тяжело и хрипло дышал человек, который когда-то был его героем. Когда Ярослав закончил и ушел в свою комнату собирать рюкзак, я зашла в прихожую. Его синяя куртка висела на нижнем крючке. Я поправила капюшон и внезапно почувствовала под рукой что-то твердое. Внутренний холод прошил меня насквозь. Я залезла в карман и вытащила маленькую плоскую бутылку — «чекушку».

Дешевый коньяк, едва начатый.
Ярик прятал её от отца. Девятилетний ребенок пытался вести свою партизанскую войну с чудовищем, которое пожирало его семью.
Бутылка выпала из моих пальцев и глухо ударилась о коврик. В этот момент внутри меня что-то окончательно оборвалось. Словно последняя подпорка в ветхом здании подгнила и с треском лопнула. Больше не было ни жалости, ни надежды, ни страха.

Только ледяная, кристально чистая решимость.
Дверь спальни распахнулась с неприятным скрипом. На пороге стоял Федор. Ему было тридцать пять, но выглядел он на все пятьдесят. Одутловатое лицо серого оттенка, под глазами — тяжелые мешки, взгляд мутный, блуждающий в поисках опоры.

Когда-то статный, широкоплечий мужчина, в которого я влюбилась на лекции по истории флота, превратился в бесформенную карикатуру на самого себя. От него пахло застарелым потом, перегаром и безнадежностью.
— Маш... — прохрипел он, хватаясь за дверной косяк. — Маш, дай минералки. Ну чего ты так смотришь? Опять лицо... как у прокурора.
Я не шелохнулась. Я смотрела на него так, словно изучала экспонат в музее ужасов.
— Минералка в холодильнике, Федор. Достань сам.
Он поморщился от моего тона, проковылял к столу и тяжело опустился на стул. Тот жалобно скрипнул под его весом.
— Чё ты начинаешь с утра? — он попытался изобразить свою фирменную усмешку, которая раньше заставляла мое сердце биться чаще. Теперь она вызывала лишь рвотный рефлекс. — Ну, перебрал вчера с ребятами. Работа — дрянь, Маш. Ты же

знаешь, подставили меня. Эти крысы в отделе только и ждут, чтоб я

споткнулся...

— Тебя уволили два месяца назад, Федор, — спокойно перебила я его. — С тех пор

«крысы» остались в прошлом, а ты всё продолжаешь спотыкаться.

Я прошла в комнату, взяла с полки папку с документами и вернулась. Положила её

на стол, прямо поверх липкого следа.

— Что это? — он подозрительно прищурился.

— Твой выходной билет. Заявление на развод.

В кухне повисла такая тишина, что было слышно, как в ванной капает кран. Федор

замер, его рука, тянувшаяся к стакану, задрожала сильнее. Он медленно перевел

взгляд с папки на меня.

— Ты шутишь? — его голос стал выше. — Из-за пары бутылок? Маш, ну ты чего? У нас

семья, сын! Куда ты пойдешь? Ты же историк, копейки получаешь в своем архиве!

Кто тебя кормить будет?

— Я сама себя прокормлю. И сына тоже. Квартира моя, она досталась мне от бабушки

еще до нашего брака. У тебя есть месяц, чтобы найти жилье. Суд назначат примерно

через тридцать дней.

— Да ты с ума сошла! — он резко вскочил, стул с грохотом повалился на пол. — Ты

мне жизнь сломать хочешь? Из-за каприза? Да кому ты нужна в тридцать два года с

прицепом? Ты же завянешь без меня!

Он попытался подойти ближе, схватить меня за плечи, как делал раньше, чтобы

«замять» ссору. Я не отступила. Я посмотрела ему прямо в глаза — в эти

мутные зеркала, где больше не было ни искры бывшего блеска.

— Ты уже сломал всё, что мог, Федор. Ты даже не заметил, как Ярик начал прятать

твои бутылки. Девятилетний мальчик спасает тебя от самого себя, пока ты тонешь

в собственном вранье.

Его лицо исказилось. Вспышка ярости — последняя стадия защиты слабого человека.

— Ах, так? — прошипел он. — Ну и катись! Посмотрим, как ты запоешь через неделю,

когда краны потекут или Ярик спросит, где папа. Посмотрим! Ты думаешь, я

пропаду? Да я завтра же найду работу, получше прежней! А ты... ты еще

приползешь, Машка. Все бабы приползают.
Он схватил свою старую кожаную куртку, которая висела на спинке стула, и, не оглядываясь, вылетел из кухни. Через секунду входная дверь содрогнулась от удара такой силы, что зазвенели стекла в буфете.
Я медленно опустилась на его стул. Сердце колотилось где-то в горле, но руки, на удивление, оставались холодными и твердыми.
— Мам? — Ярик стоял в дверях, сжимая в руках лямки рюкзака. — Папа ушел?
— Ушел, малыш.
— Насовсем? — в его голосе не было слез. Только странная, взрослая надежда.
— У нас есть месяц, Ярик. Чтобы привыкнуть к тишине.
Весь день прошел как в тумане. Я работала в архиве, перебирая пожелтевшие письма офицеров Балтийского флота. Читала о чести, о долге, о мужчинах, которые шли на смерть ради идеи, и невольно сравнивала их с тем, во что превратился мой муж.
Федор тоже когда-то горел историей. Он рассказывал Ярику о гардемаринах, о парусах и пушках... Куда это делось? В какой момент алкоголь выжиг в нем всё человеческое, оставив только оболочку?
Вечером, когда Ярик уснул, я достала старый фотоальбом. На первой странице — наша свадьба. Федор в темно-синем костюме, спина прямая, взгляд уверенный.
Он тогда казался мне скалой. Арсеньев...старинная фамилия... он так гордился своими корнями, какими-то далекими предками-моряками.
Я провела пальцем по его лицу на фото. Как странно устроено время. Оно не просто течет, оно стирает людей, заменяя их копиями из некачественного пластика.
Я закрыла альбом. В квартире было тихо, но эта тишина не успокаивала. Она была тяжелой, предгрозовой. Словно сам воздух ждал, когда произойдет финальный разряд.
Звонок раздался в начале второго ночи. В темноте спальни экран телефона вспыхнул ослепляющим прямоугольником. Сердце мгновенно ухнуло в пятки. Федор. Наверняка пьяный, будет просить прощения или угрожать...
Я нажала на кнопку приема, готовя гневную отповедь.
— Да, Федор, я слушаю. Больше не звони мне в такое время...
— Здравствуйте. Это не Федор, — голос в трубке был мужским, сухим и подчеркнуто профессиональным. — Городская клиническая больница номер двенадцать.

Реанимационное отделение. Вы Арсеньева Мария Сергеевна?

Мир вокруг меня качнулся. Стены спальни словно начали сжиматься.

— Да... Я. Что случилось?

— Арсеньев Федор Михайлович был доставлен к нам сорок минут назад. Остановка

сердца. Интоксикация, плюс падение с лестницы, черепно-мозговая.

— Он... он жив? — я услышала свой голос как будто со стороны. Тонкий, ломкий, чужой.

— Мы запустили сердце. Но состояние крайне тяжелое. Мозг находился без кислорода

слишком долго, — врач на секунду замолчал, и в этой паузе я услышала приговор

нашему браку, окончательный и бесповоротный. — Он в коме. Прогнозы

неблагоприятные. Если хотите застать его... живым, приезжайте сейчас.

У нас есть все основания полагать, что до утра он не дотянет.

Я опустила руку с телефоном на одеяло. В окне горел одинокий фонарь, освещая

голые ветви деревьев, которые бились о стекло под порывами холодного ветра.

Месяц. Я дала ему месяц на то, чтобы уйти. Судьба оказалась куда более ироничной

и скорой на расправу. Она дала ему всего несколько часов.

Я встала, накинула халат и подошла к окну. В голове была странная пустота. Я

должна была плакать, биться в истерике, звать на помощь. Но внутри было

только глухое оцепенение. Как будто я смотрела на хронику событий,

произошедших сотни лет назад.

Я вызвала такси, стараясь не разбудить Ярика. Пока машина ехала через сонный,

залитый неоновым город, я смотрела на свои руки и думала о том, что завтра мне

придется сказать сыну.

Я вошла в приемный покой, пропахший хлоркой и бедой. Дежурная медсестра, не

глядя на меня, указала в сторону лифтов:

— Реанимация на четвертом. Проходите к посту.

У дверей отделения меня встретил врач — усталый мужчина с красными от недосыпа

глазами. Он снял маску, и я поняла всё без слов.

— Сердце остановилось повторно пять минут назад, — тихо сказал он. — Мы

использовали дефибриллятор. Сейчас ритм нестабильный. Мы сделали всё,

что могли, Мария Сергеевна. Теперь всё зависит от его воли к жизни. Хотя,

честно говоря... чудес в нашей практике мало.

— Можно мне войти? — спросила я.

Он помедлил, но кивнул:

— Только на минуту. Он вас не слышит, но... иногда это важно для тех, кто

остается.

Я надела бахилы, накинула белый халат и вошла в бокс. Федор лежал среди

сплетения трубок и проводов. Его лицо казалось чужой восковой маской.

Приборы мерно пикали, вычерчивая на экранах ломаные линии — хрупкую границу

между здесь и там.

Я подошла ближе. Взяла его за руку. Она была холодной, безжизненной.

— Зачем ты так, Федя? — прошептала я, и первая слеза всё-таки скатилась по щеке.

— Зачем ты всё сломал?

В этот момент прибор над его головой вдруг издал пронзительный, длинный звук.

Линия на экране выпрямилась.

— Реанимация в бокс! — выкрикнул врач, врываясь в палату. — Женщина, выйдите! Быстро!

Меня бесцеремонно вытолкнули в коридор. Я привалилась спиной к ледяной стене, глядя через стекло, как медики суетятся вокруг кровати. Разряд. Тело Федора выгнулось дугой, как подброшенная рыба, и тяжело рухнуло обратно на матрас. Глухой звук удара долетел даже до меня. Еще разряд. Линия на мониторе оставалась издевательски прямой.

Я закрыла глаза. Глупо признаваться в этом самой себе, но в этот момент я не молила о чуде. Я просила лишь об окончании этого кошмара. Чтобы Федор ушел тихо, не заставляя нас с сыном еще долгие годы содрогаться от каждого хлопка двери. Десять лет я ждала от него поступка, и его смерть могла бы стать последним, самым милосердным жестом.

— Есть ритм! — раздалось за стеклом. — Слабый... наполнение плохое, но он пошел.

Я открыла глаза и прильнула к холодному стеклу. Приборы снова начали мерно пикать, вычерчивая на экранах неровные, ломаные зубцы. Врачи отступили от кровати, вытирая пот со лбов. Один из них, совсем молодой парень, перекрестился.

— Выжил, — выдохнул врач, выходя ко мне в коридор. Он выглядел так, будто сам только что вернулся с того света. — Мария Сергеевна, я не буду лукавить: это чудо. В медицине мы называем это «синдромом Лазаря», но на деле... его сердце просто решило биться дальше. Несмотря ни на что.

— И что теперь? — спросила я. В моем голосе не было радости. Только бесконечная, свинцовая усталость. — Он будет... овощем?

— Мозг находился без кислорода слишком долго, — врач сочувственно качнул головой. — Возможны серьезные нарушения. Потеря памяти, расстройство речи, когнитивный дефицит. Сейчас он в глубоком медикаментозном сне. Мы переводим его в палату интенсивной терапии. Поезжайте домой, поспите. Завтра будет понятнее.

Я кивнула, механически поблагодарила его и побрела к выходу.

На улице уже забрезжил серый, неуютный рассвет. Город просыпался, умытый холодным дождем. Я села в такси, прислонилась лбом к стеклу и закрыла глаза.

Чудо? Нет. Для меня это не было чудом. Как историк, я знала, что за каждым «внезапным спасением» всегда стоит логика событий, которую мы просто не можем разглядеть. Скорее всего, у Федора просто оказался слишком крепкий запас прочности, подаренный предками-моряками. Организм, привыкший к ядам, выставил последнюю оборону.

«Значит, не сегодня», — подумала я, глядя на проплывающие мимо фонари.

Развод, который казался таким близким, снова отодвинулся на неопределенный срок. Теперь я не могла просто выставить его с чемоданами. Честь, совесть и остатки того воспитания, которое мне дали родители, не позволяли бросить больного человека, даже если этот человек выпил из меня всю кровь.

Я зашла в квартиру, когда Ярик уже проснулся и сидел на кухне, глядя в окно.

— Папа умер? — спросил он тихо, не оборачиваясь.

— Нет, Ярик. Врачи его спасли.

Сын ничего не ответил. Он просто еще ниже опустил плечи, и в этой маленькой сторбленной фигурке я увидела отражение собственной безысходности. Нам обоим предстояло вернуться в тот ад, от которого мы только что едва не спаслись.

Прошло три дня, прежде чем мне разрешили его навестить. Все это время я жила в режиме автопилота: работа, школа сына, бесконечные звонки из больницы. Врачи удивлялись — Федор восстанавливался с пугающей скоростью. Показатели выравнивались так, будто его тело решило за неделю отыграть годы деградации.

Когда я вошла в палату, он сидел на кровати. Не лежал, а именно сидел — спиной к двери, глядя в окно на голые ветви деревьев.

— Федор? — позвала я.

Он медленно, очень медленно обернулся. Я ожидала увидеть привычный мутный взгляд, заискивающую улыбку или, наоборот, раздражение. Но он просто смотрел на меня.

Его лицо изменилось. Одутловатость никуда не делась за три дня, но глаза... Они были ясными. Слишком ясными для человека, который еще недавно не мог связать двух слов без мата. Он изучал меня так, словно видел впервые — внимательно, сосредоточенно, без тени узнавания, но с каким-то странным, глубинным интересом.

— Тебе принести что-нибудь? — спросила я, ставя пакет с соком на тумбочку. Мой голос звучал сухо, по-деловому. — Врачи говорят, тебя скоро выпишут. Наверное, еще неделя, и можно домой.

Он продолжал молчать. Просто смотрел, как я раскладываю вещи. Его руки, лежащие на коленях, были неподвижны. Больше не было той мелкой, постыдной дрожи, которая преследовала его последние годы.

— Ты меня слышишь? — я нахмурилась. Неужели всё-таки мозг пострадал так сильно? — Помнишь, что случилось?

Он наконец разомкнул губы. Его голос был хриплым, чужим, словно он долго не пользовался связками.

— Слышу, — произнес он коротко. Никакого «Машунь», никаких оправданий.

Он снова отвернулся к окну. В этом жесте было столько странного, несвойственного ему достоинства, что я невольно замерла. Раньше Федор в такие моменты начинал ныть или жаловаться на боли. Теперь он просто молчал, словно присутствие в этой палате было для него какой-то досадной, но неизбежной формальностью.

«Шок», — решила я. Мозг просто еще не оправился. Наверное, он стал тихим инвалидом. Что ж, это всё равно лучше, чем агрессивный алкоголик.

— Я заберу тебя в пятницу, — сказала я, направляясь к выходу. — Постарайся... ну, просто постарайся не делать резких движений.

Он не ответил. Только едва заметно кивнул, не глядя на меня.

Я вышла из палаты, чувствуя странный холод между лопатками. Весь мой исторический скепсис твердил, что передо мной мой муж, пострадавший от клинической смерти. Но какая-то глубокая, подсознательная часть меня — та, что не верит в учебники и архивы — подала тихий сигнал тревоги.

Домой я возвращалась с тяжелым сердцем. Я забирала его обратно. Моя передышка закончилась. И я еще не знала, что тот человек, которого я привезу в нашу квартиру в пятницу, изменит мою жизнь навсегда. Но не так, как я этого боялась.

Глава 2(Михаил)

(от лица Михаила)

Смерть пахла не ладаном и не сырой землей. Она пахла раскаленным чугуном,

прогорклым пороховым дымом и едкой солью Балтики, которая забивала рот

вместе с кровью.

— Держать строй, каналы! Понтоны к борту! — мой голос тонул в реве канонады, но

я видел, как матросы, обливаясь потом и сажей, сбрасывают шлюпки.

Фрегат «Смелый» умирал под нами. Левый борт был разворочен английской картечью,

мачты рухнули, запутавшись в такелаже, словно перебитые крылья огромной птицы.

В левом плече пульсировала тупая, горячая боль — пуля прошла навывлет, но мне

было недосуг ее перевязывать. Нужно было спасти юнг. Совсем еще детей,

которые в своем первом походе столкнулись с адом.

Последнее, что я запомнил — как ледяная вода, черная и равнодушная, сомкнулась

над моей головой, гася пожар в легких и крики умирающих. Я уходил на дно,

глядя, как сквозь толщу волн меркнет солнце.

А потом наступила пустота. Глухая, абсолютная, без времени и пространства.

Пробуждение было резким, словно меня ударили под дых. Первый вдох дался с таким

трудом, будто в груди вместо легких были меха, забитые битым стеклом. Вместо

свежего морского ветра в ноздри ударил тошнотворный, химический запах. Так

пахло в лазаретах после большой резни, когда лекари заливали полы уксусом,

пытаясь изгнать заразу.

Я открыл глаза и тут же зажмурился. Свет был невыносимо белым, хирургически

острым. Он не лился из окон, он исходил ото всего сразу.

— ...ритм стабильный. Давление в норме, — раздался над ухом чей-то голос.

Чистый, лишенный эмоций, словно говорил не человек, а дух.

Я заставил себя снова разомкнуть веки. Над головой висел плоский белый потолок,

а рядом... Рядом стрекотало какое-то дьявольское насекомое. Небольшая коробка

на стене светилась мертвенным зеленым огнем, и по ней, извиваясь, ползла

светящаяся змея. Каждый её изгиб сопровождался коротким, вкрадчивым

писком.

«Плен? — была первая связная мысль. — Англичане? Нет, у этих высокомерных

сукиных сынов нет такой магии».

Я попытался поднять руку, чтобы сорвать со своего лица странную прозрачную

маску, через которую в меня вливался воздух, но рука не послушалась. Она

была тяжелой, чужой, словно налитой свинцом. Каждое движение отдавалось в

голове гулким колокольным звоном.

— Тихо, тихо, Арсеньев, — прозвучал другой голос, поглубже. — Не дергайся. Ты едва не ушел за флагшток.

Арсеньев. Моя фамилия. Значит, они знают, кто я. Но как? Где мои эполеты? Где форма? Я скосил глаза и почувствовал, как к горлу подкатывает ледяная волна ужаса. Из

моего сгиба локтя торчала игла, соединенная с прозрачной трубкой. По трубке

бежала бесцветная жидкость. Я был пришпилен к этой кровати, как жук к

пробковой доске в кабинете естествоиспытателя.

В палату вошел мужчина в белом одеянии, которое не было похоже на рясу

священника или халат лекаря. Оно было сшито из странной, хрустящей

ткани. На лице его была маска, закрывающая рот и нос, виднелись только

усталые глаза.

— Ну, с возвращением из небытия, Федор Михайлович, — сказал он, изучая листы,

прикрепленные к доске у изножья кровати. — Рекордсмен вы наш. Пять минут без

пульса. Мозги, судя по всему, уцелели, раз зрачок реагирует.

Федор? Почему он назвал меня Федором? Я — Михаил. Михаил Арсеньев, мичман флота

Его Императорского Величества! Я хотел выкрикнуть это ему в лицо, потребовать

объяснений, вызвать этого наглого лекаря на дуэль за оскорбление имени, но из

моей груди вырвался лишь жалкий, влажный хрип.

— Поговорите позже, — лекарь коснулся моего плеча. — Сейчас спите. Организм

должен принять то, что мы в него влили.

Он коснулся какой-то кнопки на спинке кровати, и я почувствовал, как в кровь

вливается холод. Сознание поплыло, утягивая меня обратно в серый туман, но

перед тем как окончательно провалиться в сон, я успел заметить свои пальцы, лежащие на простыне. Они были короткими, толстыми, с пожелтевшими от табака ногтями и какими-то странными пятнами. Это были не мои руки. Не руки двадцатитрехлетнего офицера, привыкшего к рукояти кортика и шероховатости канатов. Это были руки старика... или человека, который методично убивал себя изнутри. Прошло три дня. Три дня ада, который я проживал в полном молчании. Лекари считали, что я не могу говорить из-за шока или повреждения мозга, и я не спешил их разуверять. Мне нужно было понять, где я и кто я теперь. Я изучил свою камеру — они называли её «палатой». Здесь не было свечей, но свет зажигался по мановению пальца, стоило коснуться маленького белого квадрата на стене. Окна были из чистого, идеального стекла, за которым высились невообразимые башни из камня и стали. Мир изменился. Или я попал в будущее, о котором бредили алхимики, или я сошел с ума в момент агонии на «Смелом». Самое страшное случилось, когда я впервые смог доползти до маленькой комнаты с умывальником. Я оперся руками о холодный край раковины и поднял голову. Из зеркала на меня смотрело чудовище. Лицо было одутловатым, серым, с сеткой лопнувших сосудов на крыльях носа. Глаза — покрасневшие, с мутными белками. Подбородок зарос неопрятной щетиной, скрывая дряблую шею. Я коснулся своего лица — и отражение повторило жест. Я открыл рот — гнилые зубы, обложенный белым налетом язык. Это было тело пьяницы. Ничтожного, опустившегося человека, который пропил свою честь и здоровье. Я закричал, но из горла вырвался лишь сдавленный всхлип. Я ударил кулаком по раковине, и боль была настоящей, острой. Тело Федора Арсеньева приняло мою душу, но оно было темницей. Гнилым, дырявым корытом, которое едва держалось на плаву. «Господи, за какие грехи ты запер меня здесь? — я сполз по стене на кафельный пол. — Зачем ты дал мне вторую жизнь в этом сосуде с нечистотами?»

Я закрыл глаза и вспомнил свой фрегат. Скрип мачт, соленые брызги в лицо, стройные ряды матросов. Я был Арсеньевым. Я был офицером. И если Небо решило, что я должен продолжать свой путь в этой жалкой оболочке, я не имею права сдать.

Офицер остается офицером даже в кандалах. Даже в теле мертвеца.

В день выписки она пришла за мной.

Я узнал её сразу. Это была та самая женщина, которую я видел сквозь плену

смерти в первый день. Она была одета странно: узкие штаны из грубой синей

ткани, короткая куртка. Волосы подстрижены короче, чем у иного юнга, но лицо...

Лицо было благородным. Тонкий нос, высокая линия лба и глаза — полные такой

глубокой, выстраданной усталости, что у меня сжалось сердце.

Для неё я был Федором. Мужем. Обузой. Я видел это в каждом её движении. Она не

смотрела на меня с любовью — только с настороженным ожиданием нового удара.

— Вещи я собрала, — сказала она. Голос её был прохладным, как родниковая вода. —

Такси ждет внизу. Федор, ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил я, стараясь придать голосу твердость.

Она вздрогнула. Очевидно, прежний владелец этого тела говорил иначе. Я встал,

расправив плечи. Тело протестующе заныло, сердце зашлось в неровном,

испуганном ритме, но я заставил себя стоять прямо.

— Идемте, сударыня, — произнес я и чуть склонил голову.

Она замерла, глядя на меня так, словно у меня внезапно выросла вторая голова. В

её глазах промелькнуло недоумение, смешанное с подозрением.

— Сударыня? — переспросила она, нервно поправляя сумку на плече. — Федя, прекрати

кривляться. Если это твоя новая шутка, то она не смешная.

Я промолчал. Я еще не знал, как принято общаться в этом мире, но инстинкты

офицера подсказывали: меньше слов — меньше ошибок.

Мы вышли из больницы. Я едва не зажмурился от обилия красок и звуков. По дорогам с тихим

урчанием ползали самодвижущиеся кареты, сверкающие лаком. Никаких

лошадей. Никакого навоза. Никакого шума порта. Весь мир

вокруг был наполнен гулом этих карет и мерцанием странных огней. Мы подошли к

желтой карете без лошадей. Женщина открыла дверь и жестом велела мне садиться.

Внутри пахло чем-то сладким и удушливым — «ароматизатором», как я позже узнал.

Пока мы ехали, я прилип к стеклу. Башни, мосты, тысячи людей, спешащих куда-то со светящимися дощечками в руках. Это был Вавилон. Великий, пугающий и лишенный души.

Мы остановились у высокого серого дома. Она провела меня внутрь, в тесную коробку, которая сама поползла вверх по тросам. «Лифт», — вспомнил я слово из разговора врачей. Мой вестибулярный аппарат, привыкший к качке, легко принял это движение, в то время как женщина заметно нервничала, избегая моего взгляда.

Дверь квартиры открылась. В нос ударил запах, от которого у меня потемнело в глазах.

Пиво. Застарелый табак. Пыль. И еще что-то кислое, несвежее.

Я прошел вглубь комнат. Обстановка была богатой по меркам моего времени, но запущенной. На столе в кухне стояли пустые бутылки. На стенах — обои в пятнах. Это было логово зверя, а не дом благородного человека.

— Я сейчас приготовлю обед, — сказала она, проходя мимо меня. — Тебе нужно поесть и лечь. Врач сказал — покой.

Из дальней комнаты донесся звук, и в коридор вышел мальчик. Лет девяти, худой, с бледным лицом. Он замер, увидев меня, и инстинктивно втянул голову в плечи. Его глаза... в них был не детский интерес, а страх. Чистый, неразбавленный страх перед тем, кто может ударить или накричать без причины.

Наверно это сын Федора...Получается теперь, мой сын. Ярослав.

В груди что-то болезненно кольнуло. Я вспомнил своего отца — сурового адмирала, который мог выпороть за дело, но никогда не поднимал руку просто так. Я вспомнил, как он учил меня, что мужчина — это прежде всего защита для слабых.

— Здравствуй, — сказал я, делая шаг к мальчику.

Ярослав вздрогнул и отступил на два шага назад, прячась за угол двери.
— Привет, пап— прошептал он, не поднимая глаз.
Женщина на кухне загремела посудой. Я почувствовал, как во мне закипает
холодная, яростная злость на этого Федора, который довел своего
наследника до такого состояния. Этот человек не заслуживал ни этой
женщины, ни этого сына, ни этого дома.
Я прошел в комнату, которую она назвала «нашей». Большая кровать, шкафы, на
полках — книги. Мой взгляд зацепился за одну из них. «История Российского
флота».
Я подошел и взял её в руки. Бумага была гладкой, буквы — четкими, не похожими на
те, что печатали в типографиях моего века. Я перелистал страницы и замер.
Там был рисунок фрегата. Моего фрегата.
«Фрегат "Смелый", погиб в 1791 году в сражении при...»
Буквы поплыли перед глазами. Значит, я действительно мертв. Прошло более двухсот
лет. Мой мир стерт в порошок временем. Мои друзья, мой государь, моя честь — всё
это теперь лишь строчки в пыльных книгах, которые читают такие женщины, как она.
Я опустил на край кровати, сжимая книгу в руках. Тело Федора Арсеньева
предательски задрожало. В горле встал ком. Я был один. Совершенно один
в этом безумном будущем, запертый в теле ничтожества.
— Федор? Тебе плохо? — она стояла в дверях, глядя на меня с беспокойством.
— Какой сейчас год?
— 2024 год, Федор, ты что, вообще ничего не помнишь?
Я поднял голову. Она была историком. Она изучала смерти, подобные моей. Но она
никогда не узнает, кто на самом деле сидит перед ней.
— Мне нужно умыться, — сказал я, с трудом сглатывая слюну. — И... принесите мне
чистую одежду. Эту я больше не надену.
Она нахмурилась, но прошла к шкафу и достала стопку вещей. Я взял их и ушел в
тесную комнатку, которую она назвала ванной.
Я сорвал с себя больничную рубашу. Я смотрел на дряблый живот, на пятна на коже.
Я включил воду — она была горячей, почти обжигающей. Я тер свою кожу грубой
мочалкой до тех пор, пока она не покраснела. Я смывал с себя запах
больницы, запах старого Федора, запах поражения.
Когда я вышел, обмотанный полотенцем, я чувствовал себя чуть более живым. Я

оделся в чистую футболку и штаны, которые они называли «трениками».
Я вышел на кухню. На столе стояла тарелка с супом. Женщина и мальчик сидели

напротив, молча глядя в свои тарелки.
Я сел на свое место. Взял ложку. Мои движения были медленными, размеренными. Я

чувствовал их взгляды. Они ждали. Ждали, что я начну ругаться, требовать

спиртного или нести чушь.

Я съел несколько ложек. Еда была странной на вкус, но питательной.

— Благодарю за трапезу, — сказал я, когда закончил.

Мальчик выронил ложку. Она со звоном ударилась о кафед. Женщина замерла, так и

не донеся чашку до губ.

— Федор, — тихо произнесла она, и в её голосе я впервые услышал не только

усталость, но и настоящий, острый интерес. — Что с тобой произошло там, в

больнице? Ты... ты ведешь себя так, будто тебя подменили.

Я посмотрел ей прямо в глаза. Я видел в них свое отражение — седого,

одутловатого мужчину. Но внутри этого мужчины стоял по стойке

«смирно» офицер Михаил Арсеньев.

— Я просто решил, что мой корабль слишком долго шел неверным курсом, — ответил

я. — Пора править паруса.

Я встал и подошел к раковине. Взял грязную тарелку и начал мыть её. Это было

ниже моего достоинства как дворянина, но как человеку, решившему отвоевать

это тело у забвения, мне было всё равно.

Я чувствовал, как за моей спиной они переглядываются.

Этой ночью я долго не мог уснуть. Я лежал на кровати, слушая шум города за

окном. Это тело ныло, требуя привычного яда — спиртного. В голове шумело.

Но я сцепил зубы так, что заныли челюсти.

Я не сдамся.

Я посмотрел на свои руки в темноте. Теперь это были мои руки. И я заставляю их

делать то, что прикажу.

В соседней комнате тихо плакал мальчик. Мария — я вспомнил её имя из документов

— тихо успокаивала его.

Я закрыл глаза. Мой фрегат затонул, но я всё еще был капитаном. И в этом доме, в

этой маленькой крепости среди стеклянных башен, я наведу порядок. Даже если мне

придется для этого перевернуть сам ход времени.

Развод? Нет. Офицер Арсеньев не сдает своих позиций без боя.

Я сделал глубокий вдох, усмиряя колотящееся сердце. Вахта началась. И я не

покину свой пост до тех пор, пока это тело не станет достойным того имени,

которое я носил.

«Спите спокойно, сударыня, — подумал я, погружаясь в тяжелый сон. — Завтра

начнется новая эра. Слово гардемарина».

Глава 3

Субботное утро в нашей квартире обычно имело вполне конкретный сценарий, написанный в жанре безнадежной драмы. Оно пахло перегаром, кислыми щами и моим глухим раздражением. Я привыкла просыпаться под звук хлопающей дверцы холодильника — Федор искал «лекарство», а потом начиналось долгое, нудное ворчание о том, как у него болит голова и как я громко ставлю чайник. Но это утро было другим. Я открыла глаза и не почувствовала привычного спертого воздуха. Напротив, по комнате гулял бодрящий сквозняк, пахнувший свежестью октябрьского утра и чем-то забытым... мылом? Простым, дешевым хозяйственным мылом. Я накинула халат и вышла в коридор. Окно в гостиной было распахнуто настежь, несмотря на то, что на улице столбик термометра едва перевалил за пять градусов. У подоконника стоял Федор. Он не сутулился, не пытался спрятать лицо в ладонях. Он стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину, глядя на просыпающийся город так, словно проводил инспекцию вражеских позиций. Его силуэт в лучах холодного солнца казался вырезанным из камня. В этом теле, рыхлом и измученном пьянством, вдруг прорезалась какая-то пугающая, стальная вертикаль. — Ты простудишься, — сказала я, поежившись. Он обернулся. Спокойно, без резких движений. На его лице не было ни тени похмельного страдания. Напротив, кожа казалась бледной, но чистой, а взгляд — таким острым, что мне захотелось запахнуть халат поплотнее. — Воздух в этом помещении был мертв, Мария Сергеевна, — произнес он. Я вздрогнула. Опять это имя-отчество. Раньше он называл меня либо «Машуней», когда подлизывался, либо «слышь, ты», когда был в ярости. — Иди на кухню, — я постаралась вернуть голосу привычную холодность. — Я сейчас приготовлю завтрак. Я прошла мимо него, стараясь не касаться даже краем одежды. Через несколько минут я зашла на кухню. В кухне я увидела картину, которая меня повергла в шок. Федор стоял у раковины. На столе перед ним выстроилась целая армия: «зачачки»,

которые он копил неделями. Бутылка водки за хлебницей, плоская фляжка, спрятанная в ящике с крупами, и даже та самая чекушка, которую я нашла в кармане Ярика. Я думала, он выставит их на видное место и будет торговаться, выпрашивая «последнюю стопку».

Вместо этого он методично, одну за другой, откупоривал бутылки и выливал содержимое в слив.

Буль-буль-буль...

Запах дешевого спирта ударил в нос. Я замерла в дверях, глядя на его руки. Они не дрожали. Его пальцы, раньше постоянно искавшие опору, теперь работали четко и уверенно. На его лице не было скорби по утраченному сокровищу — только брезгливость, с которой человек вычищает грязь из сточной канавы.

— Что ты делаешь? — вырвалось у меня.

Он поднял на меня взгляд. В глубине его зрачков плескалось что-то холодное и древнее.

— Избавляюсь от отравы, — коротко ответил он. — Человек, который не может владеть собой, не имеет права владеть ничем иным. Этот яд одурманивает разум и превращает воина в скотину. В моем... в этом доме такого более не будет.

Он выбросил последнюю пустую бутылку в ведро и вымыл руки под ледяной водой. Я стояла, прижавшись спиной к косяку, и пыталась осознать увиденное. Мой муж, который еще неделю назад готов был заложить обручальное кольцо ради литра суррогата, сейчас выглядел так, будто алкоголь для него — личное оскорбление.

«Это шок», — твердил мой рациональный разум. «Клиническая смерть вызвала глубокое повреждение лобных долей. Он просто... перепрошился».

— Ты серьезно? — спросила я, недоверчиво кивнув на ведро. — Надолго тебя хватит?

Он вытер руки полотенцем и подошел ближе. Не слишком близко, соблюдая ту странную дистанцию, которую он установил между нами с момента пробуждения.

— Навсегда, — отрезал он. — У меня нет времени на слабости.

Он вышел в гостиную, а я осталась стоять у раковины, где всё еще витал запах

спирта. Из гостиной донеслись странные звуки: тяжелое дыхание и глухие

удары.

Я осторожно выглянула из-за двери.

То, что я увидела, заставило меня забыть, как дышать. Федор занимался спортом.

Но это не было похоже на обычную зарядку. Он отжимался от пола. Лицо его

налилось багровым цветом, вены на шее вздулись, пот градом катился по лбу,

заливая глаза. Его тело, отвыкшее от нагрузок, протестовало, мышцы дрожали от

напряжения, но он продолжал. Десять, пятнадцать, двадцать раз...

Когда он больше не смог подняться, он перевернулся на спину, тяжело хрипя. Но

даже в этой позе он не выглядел побежденным.

— Сын, — позвал он, не поднимая головы.

Ярослав, который уже давно наблюдал за этой сценой из дверного проема своей

комнаты, вздрогнул и замер.

— Иди сюда, — голос мужа был властным, но в нем не было агрессии.

Ярик робко подошел к отцу. Федор сел на полу, вытирая лицо краем футболки. Он

посмотрел на мальчика — долго, изучающе.

— Мужчина начинается с осанки, — произнес он. — Не сутулься. Плечи назад. Смотри

прямо.

Ярик, как под гипнозом, выпрямил спину.

— Так-то лучше, — Федор едва заметно кивнул. — Завтра начнем заниматься вместе.

Юнга должен быть крепким, иначе первый же шторм смоем его за борт. Ты меня

понял?

— Понял, — прошептал Ярик, и в его глазах я увидела то, чего не видела годами:

робкое, испуганное восхищение.

Я прошла на кухню и начала механически разбивать яйца на сковородку. Мои мысли

скакали, как обезумевшие кони. Это не был Федор. Точнее, физически это был он,

но... манеры, интонации, эта пугающая дисциплина.

Когда завтрак был готов, они зашли на кухню. Оба. Сын шел следом за отцом,

стараясь подражать его чеканному шагу.

Федор подошел к моему стулу. Я ожидала, что он просто сядет и начнет есть, как

обычно — сопя и неряшливо роняя крошки. Но он замер. Его рука легла на спинку

моего стула, и он... плавно отодвинул его.

Я застыла с лопаткой в руке.

— Прошу вас, Мария Сергеевна, — он дождался, пока я сяду, и только после этого

занял свое место.

Ярик сел напротив. Тишина за столом была почти осязаемой. Федор ел аккуратно. Он

не торопился, тщательно пережевывал пищу, держа спину идеально ровно. Это было

так неестественно в декорациях нашей старой кухни, что мне стало не по себе.

— Пап, а ты правда завтра со мной будешь заниматься? — спросил Ярик, ковыряя

вилкой в тарелке.

Федор поднял глаза.

— Слово мужчины — это закон, — ответил он. — Если я сказал, значит, так и будет.

И не играй с едой. К пище нужно относиться с почтением, она дает силу для

службы.

Ярик мгновенно перестал ковырять омлет и начал есть. Я смотрела на них и

чувствовала себя лишней в этой странной пьесе.

После завтрака я ушла в свою комнату. Мне нужно было работать — лекция о

парусном флоте времен Екатерины сама себя не напишет. Я разложила на

столе репродукции гравюр, карты и старые схемы такелажа. История была моим

убежищем, миром, где всё было логично и понятно.

Я погрузилась в описание фрегата «Смелый», пытаюсь восстановить хронологию его

последнего боя.

— Ошибка, — раздался за моей спиной спокойный голос.

Я вскрикнула и едва не перевернула чернильницу (привычка пользоваться пером и

чернилами была моей маленькой профессиональной причудой). Федор стоял в

дверях, глядя на гравюру через мое плечо.

— Ты напугал меня! — я прижала руку к груди. — Что ты здесь делаешь?

— Гравюра, — он проигнорировал мой вопрос, кивнув на изображение корабля. —

Оснастка на бизань-мачте указана неверно. При таком ветре, как здесь

нарисован, паруса бы просто разорвало. А здесь... — он ткнул пальцем в

мелкую деталь чертежа, — калибр орудий на нижней палубе не соответствует

осадке судна. Этот корабль пошел бы ко дну при первом же залпе.

Я замерла, глядя на него снизу вверх.

— Откуда ты... откуда ты можешь это знать? Ты никогда не интересовался моей работой. Ты даже не знал, чем фрегат отличается от бригантины! Он медленно отвел взгляд от гравюры. На его лице проступила странная, горькая тень.

— Иногда знания приходят... через боль, — произнес он. — А этот корабль... — он замолчал, и я увидела, как у него дернулся желвак. — У него был славный

капитан. Но море не прощает ошибок в расчетах.

Он повернулся, чтобы уйти, но я вскочила и преградила ему путь.

— Федор, хватит! — я чувствовала, как во мне нарастает истерика. — Что

происходит? Почему ты так говоришь? Почему ты смотришь на меня, как на

незнакомку? Ты выливаешь водку, ты командуешь сыном, ты... ты разбираешься в

парусном флоте лучше меня!

Я схватила его за левое плечо, пытаюсь встряхнуть, заставить его стать прежним —

понятным, пусть и ненавистным.

Но стоило моим пальцам коснуться его плеча, как он резко, почти грубо,

отшатнулся. Его лицо исказилось от внезапной, острой боли. Он

инстинктивно схватился за то место, где я его коснулась, и глухо

застонал.

— Больно? — я отступила, испугавшись. — Я... я не сильно жала! Прости!

Он стоял, тяжело дыша, привалившись к дверному косяку. Его глаза были закрыты,

лоб покрылся крупными каплями пота.

— Пуля... — прохрипел он, едва шевеля губами. — Холодная сталь...

— Какая пуля, Федор? О чем ты? — я подбежала к нему, пытаюсь расстегнуть ворот

его футболки. — У тебя там рана? Больничная повязка?

Я силой оттянула ворот его домашней майки, обнажая левое плечо. Кожа была

чистой. Ни шрамов, ни бинтов, ни синяков. Только бледная, немного рыхлая

плоть моего мужа.

— Тут ничего нет, — прошептала я, чувствуя, как по спине ползет холод. — Федор,

посмотри на меня! У тебя там ничего нет!

Он открыл глаза. Боль в них медленно угасала, сменяясь тем самым ледяным

спокойствием, которое пугало меня больше всего. Он медленно убрал руку с

плеча и поправил футболку.

— Фантомные боли, — сказал он голосом, в котором не было ни капли тепла. — Врачи

предупреждали о нарушениях в восприятии после... после того, как сердце

остановилось. Не беспокойтесь, Мария Сергеевна. Это пройдет.

Он прошел мимо меня, оставив в комнате шлейф из странного, нездешнего

напряжения.

Я опустила на стул. Мои руки дрожали. Я — историк. Я привыкла работать с

фактами. А факты говорили о том, что мой муж сошел с ума. Но почему его

безумие было таким... структурированным? Почему он знал детали морского боя,

которые я сама искала в архивах неделями?

Вечером я застала его в гостиной. Он сидел в кресле, глядя на темный экран

телевизора.

— Федор, — начала я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо. — Месяц еще не

закончился. Моё решение о разводе в силе. То, что ты перестал пить и начал

заниматься Яриком, не отменяет десяти лет ада.

Он медленно повернул голову. В полумраке комнаты его глаза казались двумя

бездонными колодцами.

— Я понимаю, — ответил он. — И я принимаю ваши условия, Мария Сергеевна. Десять

лет — долгий срок для разрушения. И слишком короткий для восстановления.

Он встал и подошел к окну, глядя на огни ночного города.

— Но позвольте мне за этот месяц доказать, — он замолчал на мгновение, — что

этот дом достоин защиты. А человек, носящий это имя, достоин того, чтобы

уйти с честью, а не как побитый пес.

— С какой честью? — горько усмехнулась я. — О чем ты говоришь?

Он обернулся. Его фигура на фоне окна казалась огромной, почти пугающей.

— О чести, которая важнее жизни, — произнес он так тихо, что я едва расслышала.

— Дайте мне этот месяц. И если через тридцать дней вы скажете мне «уйди» — я

уйду, не взяв с собой ничего, кроме своего имени.

Я смотрела на него и не узнавала. Передо мной стоял незнакомец. Мужчина, от

которого пахло силой и какой-то древней, забытой правдой.

— Хорошо, — выдохнула я. — Месяц. Но не надейся на чудо, Федор.

— Чудеса мы творим сами, сударыня, — ответил он и, коротко кивнув, ушел в свою

комнату.

Я осталась одна в пустой гостиной.

Я еще не знала, что этот незнакомец уже начал захват моей крепости. И что первый

бастион — мое сердце — уже дал трещину под натиском его ледяного достоинства.

Развод? В тот вечер я впервые поймала себя на мысли, что боюсь того дня, когда

этот месяц закончится. И этот страх был слаще любой надежды.

Глава 4

Трюм моего нового судна — этого рыхлого, отравленного ядом тела — охватил настоящий бунт. Внутренности скручивало так, словно я проглотил раскаленные ядра, а руки мелко дрожали, отказываясь повиноваться воле.

Прежний хозяин, этот ничтожный Федор, приучил свою плоть к постоянному дурману, и теперь, лишившись его, организм вопил о пощаде.

Я сидел в глубоком кресле, вцепившись пальцами в подлокотники так, что костяшки побелели. В комнате было темно, лишь свет уличных фонарей просачивался сквозь занавески, рисуя на полу длинные костлявые тени.

— Смирно, скотина, — прохрипел я сквозь зубы, обращаясь к самому себе. — Смирно! Я терял людей в ледяной воде Финского залива. Я видел, как шторм ломает сосновые мачты, точно сухие спички. Я стоял под картечью, не смыкая глаз. И я не позволю какой-то жажде спиртного взять надо мной верх. Это было дело чести — усмирить восставшую команду внутри собственного сознания. Капля пота скатилась по виску, обжигая кожу, но я не шевельнулся. Офицер не идет на поводу у своих слабостей. Офицер правит ими.

На тумбочке внезапно вспыхнуло «черное зеркало» — маленькая плоская дощечка, которую Мария называла телефоном. Она завибрировала, издавая настойчивый, противный звук, похожий на жужжание запертого в бутылке шмеля.

Я с опаской потянулся к ней. Поверхность была гладкой и холодной, как лед в январскую стужу. Стоило моим пальцам коснуться стекла, как под ним заплясали призрачные огни. Экран мигнул, и я увидел... самого себя.

Точнее, лицо этого несчастного, чью личину мне довелось принять. В неверном свете прибора физиономия Федора выглядела еще более жалкой: обрюзгшая кожа, потухшие глаза.

На экране высветилось слово: «Васёк». И ниже — строчки текста. Я уже начал привыкать к местной грамоте, хотя отсутствие «ятей» и «еров» всё еще

казалось мне варварским упрощением.

«Федя, ты где пропал? Мара перекрыла кислород? Завязывай с больничкой, тут

делюга есть. Бабки нужны или как?»

Я не знал, кто такой этот «Васёк», но от его слов веяло такой вопиющей

фамильярностью и отсутствием почтения, что по моей спине пробежал

холодок брезгливости. Этот человек явно считал Федора своим ровней — таким

же проходимцем и бездельником. Я положил дощечку обратно. Круг общения этого

тела был сбродом. Гнилыми досками, которые нужно было вырвать и выбросить за

борт, пока они не заразили всё судно.

Жажда воды стала невыносимой. Я поднялся, стараясь сохранять равновесие, и вышел

в коридор.

Свет в детской комнате был приоткрыт. Я остановился, прислушиваясь. Там, в

полосе света, на полу сидел Ярослав. Перед ним лежало нечто, похожее на

маленькую модель летающей машины — крылатая поделка из яркого материала.

Мальчик пытался соединить две детали, но его маленькие пальцы дрожали точно

так же, как мои. Он торопился, злился на самого себя, и в этом бессилии я узнал

почерк его отца. Федор научил его бояться ошибок больше, чем самой смерти.

Я вошел в комнату. Ярослав вздрогнул, закрыв поделку руками, словно ожидал удара

или насмешки.

— Придержи здесь, — сказал я, опускаясь на колени рядом с ним. Мои колени

хрустнули, напоминая о дряхлости суставов.

Я взял из его рук тонкую деталь. Мои пальцы, несмотря на внутреннюю дрожь,

сохранили память о такелажных работах. Там, где нужно было ювелирное

усилие, разум брал верх над плотью.

— Не суетись, юнга, — произнес я тихо, но твердо. — В море спешка — это путь на

дно. Нужно чувствовать материал. Тяни плавно, вот так...

Я вставил шип в паз. Раздался негромкий щелчок. Мальчик замер, глядя на

починенную игрушку так, будто я сотворил великое чудо. Он поднял на

меня глаза — и в них, сквозь привычную настороженность, впервые проглянуло

робкое изумление.

— Ты... ты раньше всегда ломал, если я просил, — прошептал он. — Говорил, что

это хлам.

— Раньше туман застилал мне взор, — ответил я, поднимаясь на ноги. — Теперь

горизонт чист. Следи за порядком в своей каюте, Ярослав. Мужчина должен

содержать свое оружие и свои вещи в исправности.

Он кивнул, преданно и серьезно. Я вышел из комнаты, чувствуя, как внутри

ворочается странное, забытое тепло. Этот малый был хорошим материалом,

из него мог выйти отличный офицер, если вовремя выбить из него этот рабский

страх.

В кармане моих штанов снова зажужжало. «Васёк» оказался настырным. Я нажал на

зеленую кнопку — так, как видел в больнице — и поднес дощечку к уху.

— Алё! Федя, ты чё, оглох? — из трубки полыхнуло агрессией и запахом чужой,

дешевой жизни. — Я тебе звоню, звоню... Слышь, ты долг когда вернешь?

Пацаны нервничают. Если завтра не будет полтоса, мы к тебе сами зайдем.

Мара твоя дома? Может, с ней потолкуем?

Волна ледяного гнева поднялась от самых пяток. Кто-то смел угрожать моей

женщине? Кто-то смел упоминать её имя в одном предложении с долгами и

угрозами?

— Слушай меня внимательно, любезный, — мой голос прозвучал так, как звучит сталь

о сталь перед началом абордажа. — Я не знаю, кто такие твои «пацаны», но если ты

еще раз позволишь себе упомянуть мою жену или приблизиться к этому дому — я

лично позабочусь о том, чтобы твой язык больше никогда не произносил слов.

На том конце воцарилась мертвая тишина. Я почти физически ощутил, как этот

«Васёк» поперхнулся своей дерзостью.

— Федя? — выдавил он наконец. — Ты чё... ты чё, перекурил там? Ты с кем так

базаришь?

— С тобой. И в последний раз. Долги будут выплачены по чести, но не раньше, чем

я увижу расчетные книги. А теперь — прочь с моей волны.

Я нажал отбой. Дощечка погасла. Я чувствовал, как бешено колотится сердце, но

это был хороший гнев. Он выжигал остатки слабости.
Мне нужно было изучить свои ресурсы. Я прошел в спальню и открыл большой шкаф.

Внутри царил хаос: тряпье, какие-то несвежие сорочки, джинсы. Я искал мундир, хотя бы отдаленно напоминающий одежду джентльмена. В самом углу я обнаружил черный костюм в чехле. Ткань была неплохой, фасон — строгим. Должно быть, Федор надевал его на свадьбу или редкие торжества.

На дне ящика я нашел маленькую книжицу в кожаном переплете. Паспорт. Я раскрыл его.

«Арсеньев Федор Михайлович».

Мои пальцы дрогнули. Арсеньев. Та же фамилия. Могла ли судьба сыграть со мной в такую игру? Был ли этот пьяница моим потомком, последним выродившимся побегом славного древа? Или само провидение выбрало это тело именно из-за имени? Для меня это стало последним знаком. Я не просто захватчик. Я — Арсеньев, вернувшийся домой, чтобы смыть позор с родового имени.

Я вышел в коридор. Мария стояла на кухне, спиной ко мне. Она готовила ужин, и свет лампы золотил её затылок. Она двигалась с той врожденной грацией, которую не встретишь у простолюдинок. В ней была порода, был ум и та тихая печаль, которая делает женщину прекраснее любой драгоценности.

Я смотрел на неё из тени, и мое сердце сжалось от странного чувства — смеси вины и восхищения. Я обманывал её, но этот обман был спасением. Старый Федор уничтожил бы её, выпил бы её душу досуха, как выпивал свои бутылки. Я же... я стану её щитом. Даже если она никогда не узнает, кто на самом деле стоит за её спиной.

— Ужин готов, — сказала она, не оборачиваясь, словно почувствовала мой взгляд. — Садись.

За столом снова воцарилась тишина. Но теперь она была иной. Мария поглядывала на меня украдкой, изучая, как я держу приборы, как прямо сижу. Она искала подвох, искала привычную грубость, но находила лишь холодную, вежливую сдержанность.

— Ты сегодня починил игрушку Ярика, — произнесла она тихо, ковыряя вилкой в

тарелке. — Он сказал, ты был... другим.

— Я учусь видеть мир заново, Мария Сергеевна, — ответил я. — Глаза, затуманенные

хмелем, видят лишь уродство. Теперь я вижу то, что действительно ценно.

Она подняла глаза. В их глубине на мгновение вспыхнула искра — не доверия, нет,

слишком рано для него, — но интереса.

После трапезы я не отправился на покой. Заметив, что полка в прихожей висит

криво, я нашел инструмент — железный молот со странным захватом — и в

несколько точных ударов исправил изъян. Тело ныло, пот застилал глаза, но

каждая выполненная задача приносила облегчение.

В ящике комода я наткнулся на старую фотографию. На ней Мария — совсем молодая,

смеющаяся — обнимала Федора. Тот Федор на снимке еще не был чудовищем. В нем

была жизнь.

Я долго смотрел на этот снимок. Я понял, что должен стать лучше, чем тот парень

с фотографии. Я должен стать тем, кем Федор Арсеньев так и не нашел в себе сил

стать.

Когда наступила ночь, я отказался ложиться в мягкую постель. Кровать казалась

мне слишком зыбкой, лишенной опоры, она напоминала о болезни и слабости. Я

взял одеяло и устроился на полу, в гостиной. Жесткая поверхность давала

ощущение реальности.

— Что ты делаешь? — Мария стояла в дверях, глядя на меня с недоумением.

— Спина требует твердости, — ответил я, устраиваясь поудобнее. — Врачи говорили

— это полезно для восстановления. Доброй ночи, сударыня.

Она постояла еще минуту, тень её замерла на стене, а затем она тихо ушла, закрыв

дверь.

Я лежал в темноте, слушая, как шумит за окном этот странный, чужой мир. Бунт в

трюме утих, сменившись глухой усталостью. Завтра я выйду на улицу. Завтра я

начну тренировать это тело на открытом воздухе.

Михаил Арсеньев принял командование. И первый день вахты подошел к концу. Слово

гардемарина.

Глава 5

Воскресенье обычно вползало в нашу квартиру серым, похмельным туманом. Десять лет я просыпалась с одной и той же мыслью: «Хоть бы он спал подольше». Тишина была моим единственным союзником, пока Федор не разлеплял веки и не начинал требовать внимания, еды или денег, отравляя воздух своим присутствием. Но это утро было прозрачным и странно звонким. Я открыла глаза и не почувствовала привычной тяжести в груди. В квартире было тихо, но это была не тишина склепа, а тишина ожидания. Я накинула кардиган поверх сорочки и вышла в гостиную. Занавески были раздвинуты, и бледное октябрьское солнце резало комнату на четкие полосы. Федор лежал на полу, подстелив лишь тонкое байковое одеяло. Я остановилась в дверях, глядя на него. Он спал на спине, сложив руки на груди — поза, совершенно невозможная для прежнего Федора, который обычно храпел в бесформенной позе, раскидав конечности. Но поразило меня другое. Одутловатость, эта вечная маска алкоголика, медленно, но верно покидала его лицо. Ушли мешки под глазами, спали отеки со щек. Теперь под кожей проступила резкая, почти хищная структура черепа. Высокие скулы, прямой нос, волевой подбородок. Он выглядел так, будто кто-то взял старый, заляпанный грязью портрет и начал осторожно очищать его слой за слоем. Внезапно его веки дрогнули. Он не проснулся постепенно, как обычный человек. Он просто открыл глаза и мгновенно стал бодрствующим. Никакого мутного взгляда или попыток прийти в себя. Он сразу сфокусировался на мне. — Доброе утро, Мария Сергеевна, — произнес он своим новым, глубоким голосом, в котором вибрировала странная уверенность. — Ты спал на полу, — я кивнула на одеяло. — Федор, кровать в твоём распоряжении. К чему этот мазохизм? Он легко поднялся, одним слитным движением, которое никак не вязалось с его

грузным телом.

— Твердая опора дисциплинирует дух, — ответил он, аккуратно складывая одеяло. —

Мягкость порождает лень, а лень — это первый шаг к разложению. Врачи говорили о

восстановлении, вот я и восстанавливаюсь.

Я промолчала. Рациональная часть меня, та, что закончила истфак с красным

дипломом, твердила: «Это защитная реакция психики. Психоз на почве

перенесенной клинической смерти». Но историк внутри меня шептал совсем

другое.

На завтрак я сварила кофе. Пока закипала вода, я наткнулась взглядом на большой

полиэтиленовый пакет в прихожей — в нем мне выдали вещи Федора при выписке. На

боку пакета была приклеена полоска малярного скотча с надписью маркером.

Видимо, дежурная медсестра в приемном покое была очень заспанной или

просто неграмотной. Вместо «Арсеньев Ф.М.», она размашисто вывела: «М.

Арсеньев». Перепутала имя с отчеством, «Михайлович» с «Федором».

— М. Арсеньев, — негромко прочитала я вслух, подходя к пакету. — Марсеньев. Или

просто... Марс.

Он как раз выходил из ванной, вытирая лицо полотенцем. Замер, услышав это слово.

Его взгляд мгновенно потяжелел, в нем вспыхнуло что-то первобытное, яркое, как

сигнальный огонь на маяке.

— Марс? — переспросил он, пробуя это сочетание звуков на вкус. — Планета

войны... Или имя бога, не знающего страха в битве.

— Это просто ошибка медсестры, — я указала на пакет. — Она написала «М» вместо

«Ф». Но звучит... звучит даже красиво. Если не знать, что ты Федя.

— Мне нравится, — отрезал он, и я увидела, как расправились его плечи. — Пусть

будет так, Мария Сергеевна. Зовите меня Марсом. Раз прежнее имя вызывает у вас

лишь горечь, пусть новое станет началом другой службы.

— Это всего лишь прозвище, — я неловко повела плечом, разливая кофе по чашкам. —

Не стоит искать в этом глубинный смысл. Садись есть.

Мы завтракали втроем. Ярик сидел тише воды, ниже травы, но я видела, как он

копирует позу отца — старается держать спину ровнее, не кладет локти на

стол. Марс ел молча, с тем самым достоинством, которое заставляло меня

чувствовать себя хозяйкой знатного поместья, а не задолбанной бытом

женщиной из спального района.

— Мария Сергеевна, — обратился он ко мне, закончив трапезу. — У вас не найдется

бумаги и инструмента для письма? Мне нужно составить список... необходимых дел.

— Инструмента? — я невольно улыбнулась. — Есть ручка. Пойдем в мой кабинет.

Я привела его к своему рабочему столу. Достала чистый лист и свою любимую ручку

Parker с открытым пером — мой единственный подарок самой себе на тридцатилетие.

— Прошу, — я протянула ему ручку.

Он взял её как диковинный артефакт. Долго разглядывал позолоченное перо,

осторожно попробовал его кончиком пальца, а затем склонился над листом.

Я ушла в гостиную, чтобы собрать игрушки Ярика, и вернулась через десять минут.

Марса в комнате уже не было — он ушел проводить «ревизию» в кладовке, а лист

остался лежать на столе.

Я заглянула в него и застыла.

Это не был почерк Федора. Федор писал размашисто, коряво, с кучей ошибок и

жутким наклоном, словно курица лапой. На листе же красовалась безупречная

каллиграфия конца восемнадцатого века. Каждая буква была выведена с ювелирной

точностью, длинные «хвостики» закручивались в изящные вензеля, а нажим пера

был настолько выверенным, что казался работой гравера.

«...Привести в исправность такелаж... Укрепить бастионы... Обучить юнгу...»

— О боже, — прошептала я, касаясь пальцами чернил.

Как историк, я знала: имитировать такой почерк за пару дней невозможно. Это

мышечная память. Это годы практики с настоящим пером и чернилами, а не

механическое движение шариком по бумаге. В горле пересохло. Мой муж не

просто «изменился». Он...

— Обувь — это лицо мужчины, Ярослав.

Голос Марса из прихожей вырвал меня из оцепенения. Я вышла в коридор. Мой муж

сидел на низкой скамеечке, а перед ним стоял сын. На полу лежали все пары

обуви, которые были в доме. Марс держал в руках банку старого крема и щетку.

— Если твои ботинки грязные, значит, и помыслы твои нечисты, — говорил он

спокойным, наставническим тоном. — Начищай до тех пор, пока не увидишь в мыске свое отражение. Только так ты заслужишь право ступить по этой земле с гордостью.

Ярик, высунув язык от усердия, тер свой кроссовок. И, боже мой, он улыбался.

Маленький мальчик, который еще неделю назад забивался под кровать при звуке открывающегося замка, теперь жадно впитывал каждое слово этого странного мужчины.

— Мы пойдем на прогулку, Мария Сергеевна, — Марс поднял на меня взгляд. — Юнге

нужен свежий воздух и дисциплина движения. Мы вернемся через час.

Я только кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Они ушли. Я осталась одна, слушая, как затихают их шаги в подъезде. Но тишина

длилась недолго. Резкий, беспардонный звонок в дверь заставил меня

вздрагнуть.

На пороге стоял Васёк.

Это был «кореш» Федора, один из тех, с кем он пропивал остатки зарплаты и моей

надежды. От Васька пахло дешевым табаком и вчерашним праздником. В руках он

держал пакет, из которого предательски позвякивало.

— О, Машка, привет! — он осклабился, обнажая гнилые зубы. — А Фёдор дома? Я

слышал, его из больнички откинули. Пришел проведать соратника по борьбе с

трезвостью. Гы.

— Федор занят, Василий. Уходи, — я попыталась закрыть дверь, но он бесцеремонно

выставил ногу в грязном ботинке.

— Ну чего ты, Маш? Мы ж по-свойски. У меня тут «лекарство» высшего сорта. Фёдор

без него засохнет. Пропусти, не вредничай.

— Он не пьет. Больше никогда.

Васёк расхохотался, и этот смех был похож на лай гиены.

— Федька — и не пьет? Да он скорее дышать перестанет! Подвинься, красавица...

— У вас какие-то затруднения, сударыня?

Голос Марса раздался за спиной Васька. Я не слышала, как они с Яриком вернулись

— видимо, забыли что-то и зашли обратно.

Васёк обернулся, всё еще ухмыляясь.

— О, Федяй! Здорово, братуха! Гляди, чего принес...

Марс не протянул руки для приветствия. Он стоял, заложив руки за спину, и

смотрел на Ваську так, словно перед ним была куча навоза, перегородившая

фарватер. Его лицо не выражало гнева. Только ледяное, безмерное презрение.

— Кто это, Мария Сергеевна? — спросил он, не сводя глаз с незваного гостя.

— Это твой... друг, Василий, — ответила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от

страха. Сейчас начнется драка.

— Друг? — Марс чуть приподнял бровь. — У этого существа нет чести, чтобы

называться моим другом.

— Слышь, Федь, ты чё, берега попутал? — Васёк набычился, пытаясь сохранить лицо.

— Ты чё так базаришь? Забыл, кто тебе прошлый раз на опохмел давал?

Марс сделал шаг вперед. Он не замахивался, не кричал. Но Васёк внезапно начал

пятиться. От моего мужа исходила такая мощная, физически ощутимая аура

угрозы, что воздух в подъезде, казалось, похолодал.

— Забери свой яд и исчезни, — произнес Марс тихо, но от этого тона у меня по

спине пробежали мурашки. — Если ты еще раз позволишь себе коснуться этой

двери или заговорить с моей женой в таком тоне — я заставлю тебя проглотить

это стекло вместе с содержимым. Вон.

Васёк открыл рот, хотел что-то вякнуть, но наткнулся на взгляд Марса — холодный

взгляд офицера, привыкшего расстреливать предателей перед строем. Не говоря

больше ни слова, соратник по бутылке развернулся и почти бегом бросился вниз

по лестнице.

Марс закрыл дверь и повернулся ко мне.

— Простите, что вам пришлось участвовать в этой безобразной сцене, — он чуть

склонил голову. — Я зачищу это окружение. Подобным субъектам не место рядом

с благородным домом.

Я смотрела на него и понимала, что начинаю его бояться. И в то же время... в

глубине души вспыхнуло что-то давно забытое. Защищенность?

Вечер опустился на город рано. В квартире стало прохладно. Я возилась в

гостиной, пытаясь включить старый масляный обогреватель — он всегда

капризничал.

— Позвольте мне, — Марс подошел сзади.

Я обернулась и оказалась в ловушке. Он стоял слишком близко. Я почувствовала

запах его кожи — не перегар, не табак, а свежий запах морозного воздуха и

того самого мыла. Совершенно мужской, чистый аромат.

— Тут нужно... нажать на этот тумблер, — прошептала я, указывая на кнопку.

Моя рука случайно коснулась его пальцев.

Это было похоже на электрический разряд. Я инстинктивно отдернула руку, сердце

пустилось вскачь. Марс не отстранился. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его

глазах я увидела не холод, а странную, жгучую тоску. Как будто он смотрел на

что-то прекрасное и недостижимое.

— У вас удивительные глаза, Мария Сергеевна, — произнес он очень тихо. — В них —

глубина океана после шторма.

— Федор, перестань, — я попыталась пройти мимо него, но он мягко перегородил мне

путь.

— Я не Федор, — сказал он, и от этой правды мне стало холодно. — Но я человек,

который не может не ценить красоту и силу духа.

Он отошел, давая мне дорогу, и принялся возиться с обогревателем. Я почти бегом

скрылась в своем кабинете.

Мои руки дрожали. Я села за стол и вытащила из нижнего ящика папку, которую не

открывала года три. Это был архив рода Арсеньевых — я начинала его собирать,

когда мы только поженились, думая, что Федору будет интересно узнать о своих

предках. Но он только смеялся над моими изысканиями.

Я начала быстро перелистывать пожелтевшие листы, копии церковных книг и военных

архивов.

«Арсеньев... Арсеньев... Михаил...»

Вот оно.

«Мичман Михаил Арсеньев. Пропал без вести в 1791 году во время сражения у мыса

Калиакрия. Командовал десантной группой на фрегате "Смелый"».

Я нашла описание внешности в одном из частных писем его сослуживца, которое

чудом сохранилось в архивах.

«...Мишка Арсеньев — истинный бес. Взгляд имеет такой, что матросы крестятся, а

дамы млеют. Лицом строг, скулы острые, а воля — крепче канатного узла. В бою

неистов, в быту — аскет...»

Я посмотрела на стену, за которой сейчас Марс учил Ярика вязать морские узлы.

Рука, державшая архивный лист, задрожала так сильно, что бумага зашуршала.
— Этого не может быть, — прошептала я в пустоту кабинета. — Это просто

совпадение. Генетическая память. Игра воображения.

Но каллиграфия на моем столе, фантомная боль в здоровом плече и этот ледяной

взгляд говорили об обратном.

Я, Мария Арсеньева, историк со стажем, столкнулась с тем, что не в силах

объяснить ни одна наука. В теле моего мужа-неудачника жил человек,

который должен был погибнуть двести лет назад.

И самое страшное было в том, что этот покойник нравился мне гораздо больше, чем

живой муж.

Я закрыла лицо руками. Развод отменялся не потому, что Федор выздоровел. А

потому, что я, кажется, начала влюбляться в призрака, который решил

построить свой новый фрегат на руинах моей жизни.

Глава 6(Михаил/Марс)

Пробуждение в этом теле всякий раз напоминало мне выход из затяжного шторма: кости ломило, в висках стучала тяжелая кровь, а во рту стоял кислый привкус поражения. Тварь внутри — та самая, что годами пила жизнь из Федора Арсеньева, — скреблась когтями под ребрами, требуя своей доли яда. Но я лишь крепче сжимал зубы. На моем судне бунты подавлялись быстро и беспощадно. Если плоть слаба, её нужно дрессировать, как строптивного жеребца. Я поднялся с пола — жесткий настил был милосерднее мягкой перины, он не давал разуму расслабиться. Октябрьское солнце, бледное и холодное, едва пробивалось сквозь пелену облаков. В квартире было тихо, лишь с кухни доносился мерный стук ножа о доску — Мария Сергеевна готовила трапезу. Моя «Прекрасная Дама». Женщина, чей ум был острее сабли, а взгляд — глубже морской пучины. Я чувствовал, как она наблюдает за мной, как изучает каждый мой жест, словно диковинную находку из своих архивов. Она искала Федора, но находила лишь пустоту на его месте. И я видел, что эта пустота пугает и притягивает её одновременно. В коридоре я столкнулся с Ярославом. Юнга сидел на низком пуфе, уткнувшись в свою светящуюся дощечку — «планшет», как называла это Мария. Мальчик был напряжен, его плечи были сведены к ушам, а пальцы лихорадочно бегали по стеклу. В этих движущихся картинках не было смысла, они лишь крали у него время и волю. — Подойди ко мне, сударь, — произнес я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Ярослав вздрогнул. Его взгляд, полный привычного опасения, метнулся к двери кухни, ища защиты у матери, но он всё же поднялся. — Да, папа? — Оставь этот магический кирпич. Мужчине негоже тратить часы на созерцание призраков. Я прошел в кладовую — тесный закуток, заваленный хламом, который Федор копил

годами. Среди сломанных зонтов и пыльных коробок я нашел то, что искал:

моток толстой белой веревки. Она пахла пылью, а не смолой, но её веса было

достаточно.

Я вернулся в гостиную и устроился на ковре, широким жестом пригласив мальчика

сесть напротив. Ярослав опустил на колени, глядя на веревку так, словно я

притащил в дом живую змею.

— Знаешь ли ты, что держит корабль во время бури? — спросил я, отрезая кусок

каната старым кухонным ножом. Лезвие было тупым, и я пообещал себе наточить

все инструменты в этом доме.

— Якорь? — неуверенно предположил мальчик.

— Якорь — это лишь железо. Его держит канат. А канат держится на узлах. Если

узел завязан дурно — судно погибнет. Если узел завязан верно — он спасет

сотни жизней. Умение вязать узлы — это не просто ремесло, это договор

человека со стихией.

Я взял веревку. Мои руки, всё еще непривычно тяжелые, мгновенно вспомнили старую

науку. Память тела — удивительная вещь. Михаил Арсеньев мог забыть лицо своего

первого адмирала, но он никогда не забудет, как вяжется «прямой узел».

— Смотри внимательно. Правый конец на левый, перехлест... Левый на правый,

перехлест. Это — прямой узел. Он прост, как правда, и так же надежен.

Попробуй.

Ярослав взял веревку. Его пальцы были тонкими и бледными. Он путался, веревка

выскальзывала, а на лице проступало привычное выражение готовности к провалу.

Я видел, как он ждет, что я сейчас закричу, назову его недотепой или просто

оттолкну.

— Не спеши, — я положил свою ладонь поверх его. Моя рука была вдвое больше,

грубее, покрытая сетью мелких шрамов, происхождение которых я сам не мог

объяснить в этом теле. — Веревка — она как живое существо. Её нельзя

принуждать, с ней нужно договориться. Чувствуй натяжение.

Ярослав замер. Он посмотрел на наши руки — сцепленные, работающие вместе. Я

увидел, как разгладилась морщинка у него на лбу.

— Получилось! — выдохнул он через минуту. На ладони у него лежал аккуратный,

симметричный узел.

— Хорошо, — я кивнул. — Но прямой узел — это только начало. Настоящий моряк

ценит «булинь» — короля узлов. Он не затягивается под нагрузкой, его можно

развязать даже после самого страшного шторма. Помнишь сказку о змее, которая

выходит из озера, обвивает дерево и уходит обратно в нору?

Я начал рассказывать. Каждое движение веревки я сопровождал байкой — о шторме у

мыса Калиакрия, о том, как свистел ветер в вантах, и как пороховой дым застилал

солнце. Я не врал. Это были мои воспоминания, облеченные в форму легенд.

Ярослав слушал, открыв рот. Он забыл про свой планшет, про страх, про то, что

перед ним сидит человек, который еще неделю назад был для него источником

постоянной боли.

— А ты правда видел море, пап? — спросил он, когда мы закончили вязать пятый

узел. — Настоящее? Где волны выше дома?

Я замолчал, глядя на свои пальцы. Перед глазами на миг вспыхнула лазурь Балтики

и белые гребни волн, разбивающиеся о борт фрегата.

— Видел, Ярослав. Море — это великая тишина и великий гнев. Оно учит человека

знать свое место под Богом. И оно не прощает лжи.

— А почему ты раньше не рассказывал?

— Раньше я был в тумане, — я коснулся его плеча. — Теперь туман рассеялся.

В дверном проеме показалась Мария Сергеевна. Она стояла, прислонившись к косяку,

и в руках у неё было кухонное полотенце. Она смотрела на нас так, словно мы были

пришельцами с другой планеты. Её глаза — проницательные, пытливые — задержались

на веревках, а затем переместились на лицо сына.

Я видел, как дрогнули её губы. Она видела перемену в ребенке. Ярик больше не

горбился. Он сидел прямо, с гордостью демонстрируя ей свои успехи.

— Обед готов, — произнесла она негромко. — Оставьте ваши... снасти.

— Мам, смотри! — Ярослав вскочил, протягивая ей веревку с булинем. — Папа

научил! Это королевский узел! Он спасет корабль, если будет шторм!

Мария взяла веревку, провела пальцем по узлу. Она посмотрела на меня — долгий,

обжигающий взгляд. В нем было столько вопросов, что воздуха в комнате стало не

хватать.

— Пойдемте за стол, — повторила она, уходя на кухню.

Мы ели в тишине, но эта тишина была иной. Не гнетущей, а наполненной звуками

жизни: звоном приборов, шумом машин за окном. Марс (мне начинало нравиться

это имя) чувствовал, как меняется поле боя. Первый бастион — доверие ребенка —

был взят.

После обеда Мария ушла в свой кабинет. Я же решил заняться тем, что считал

необходимым — укреплением дисциплины.

— Ярослав, — позвал я мальчика. — Одевайся. Мы пойдем на берег.

— На берег? — удивился он. — У нас тут нет моря, пап. Только пруд в парке.

— Пруд тоже вода. Любая вода требует уважения.

Когда мы вышли на улицу, я почувствовал, как город давит на меня. Шум

механических повозок, суeta людей, странные запахи — всё это

заставляло мои чувства работать на пределе. Но я держал спину ровно.

Ярик шел рядом, стараясь подстраиваться под мой шаг.

В парке было сыро. Желтые листья устилали землю, как разбитые надежды. Мы

подошли к воде.

— Слушай меня, юнга, — сказал я, глядя на серую гладь пруда. — Мужчина — это не

тот, кто силен кулаками. Это тот, кто умеет держать слово и защищать тех, кто

слабее. Твоя мать... — я запнулся, подбирая слова, — она сильная женщина. Но

ей нужна опора. Понимаешь ли ты, что это значит?

Ярослав серьезно кивнул.

— Опора — это как мачта?

— Именно. Если мачта гнилая — паруса не поднять. Я долго был гнилой мачтой. Но

теперь я встал на ремонт. И ты будешь моим первым помощником.

Мы провели в парке два часа. Я учил его не только узлам, но и тому, как замечать

детали: куда дует ветер, как ложатся тени, как двигаются люди. Это была наука

выживания, которую я впитывал с молоком матери и розгами учителей.

Когда мы вернулись, сумерки уже начали сгущаться над городом. Мария встретила

нас в прихожей. Она выглядела встревоженной, но стоило ей увидеть

разрумянившееся лицо сына, как её черты смягчились.

— Где вы были так долго?

— Проводили учения, сударыня, — я коротко поклонился, снимая куртку. — Юнга показал себя с лучшей стороны.

Ярослав, сияя от похвалы, начал разуваться. И тут он сделал то, от чего сердце

Михаила Арсеньева, запертое в груди Федора, совершило кульбит.

— Мам, мы с Капитаном решили, что завтра пойдем бегать! — выпалил он, сияя глазами.

— С кем? — Мария замерла, переводя взгляд с сына на меня.

— С Капитаном, — повторил Ярик, уверенно кивнув в мою сторону. — Он сказал, что без бега ноги станут как у медузы.

Ярик убежал в свою комнату, оставив нас вдвоем в тесном коридоре. Мария медленно

подошла ко мне. Она была так близко, что я чувствовал аромат её волос — запах

лаванды и старой бумаги.

— Капитан? — прошептала она, глядя мне прямо в глаза. — Ты понимаешь, что ты делаешь с ним? Ты даешь ему надежду, которую Федор Арсеньев разбивал сотни

раз. Если ты снова... если ты сорвешься...

Я сделал шаг вперед, сокращая расстояние до минимума. Я видел, как расширились её зрачки, как участилось дыхание. В этот момент я был готов отдать все свои

прошлые победы за право коснуться её лица. Но честь не позволяла мне этого. Не сейчас.

— Тот человек, которого вы знали, госпожа Арсеньева, остался на дне того омута, в который он сам себя загнал, — мой голос был тихим, как шелест прибоя. — Я не

знаю, сколько мне отмерено в этом теле, но клянусь вам честью офицера: этот

мальчик больше никогда не будет бояться звука моих шагов.

Она стояла, не шевелясь. Между нами искрило такое напряжение, что, казалось,

коснись я её сейчас — и полыхнет пожар.

— Я хочу тебе верить, — выдохнула она. — Но мой разум говорит, что это невозможно. Люди не меняются так... глобально за несколько дней.

— Значит, ваш разум не знает всего о мире, Мария, — ответил я. — История — это не только даты. Это судьбы. И иногда судьба делает поворот оверштаг там, где

его никто не ждет.

Я развернулся и ушел в свою комнату. Бунт в трюме утих. Но на горизонте уже

собирались новые тучи. Я знал, что прошлое Федора еще предъявит мне счет.

Но сегодня я одержал самую важную победу.

Я больше не был для этого ребенка врагом. Я стал для него Капитаном.

И, закрывая глаза в темноте гостиной, я впервые за двести лет почувствовал, что

мой корабль наконец-то поймал попутный ветер.

Глава 7

Понедельник ворвался в квартиру не привычным звоном будильника, а размеренным, четким звуком ударов металла о металл. Я открыла глаза, и первая мысль, кольнувшая сознание, была не о разводе и не о счетах за квартиру. Я

прислушалась.

Раз-два. Пауза. Раз-два.

Я накинула халат и вышла в коридор. Дверь в гостиную была распахнута. Марс — я

поймала себя на том, что уже не называю его Федором даже в мыслях — стоял у

окна. На нем были только спортивные штаны, и я невольно замерла, рассматривая

его спину. За три дня, прошедших с выписки, тело моего мужа начало меняться.

Жир, который годами рыхлым слоем скрывал его мышцы, словно выгорал под

воздействием какой-то внутренней печи. Лопатки двигались под кожей, как

крылья хищной птицы. Он отжимался на кулаках, и каждое движение было наполнено

такой сосредоточенной мощью, что воздух в комнате казался наэлектризованным.

Ярослав сидел на диване, полностью одетый в школьную форму. Он не возился с

планшетом, не зевал. Он смотрел на отца. В руках у мальчика была старая

гантель, которую он честно пытался поднять синхронно с Марсом.

— Локоть не заваливай, юнга, — бросил Марс, не сбивая дыхания. — Ты не мешок с

овсом тащишь, а честь свою закаляешь.

Ярик тут же поправил руку, закусив губу. На его щеках горел здоровый румянец.

— Доброе утро, — произнесла я, прислонившись к косяку.

Марс резко выпрямился. Никакой одышки, никакого похмельного тремора. Он

обернулся ко мне, и я снова столкнулась с этим взглядом — прямым, как

пушечный выстрел.

— Доброго здравия, Мария Сергеевна, — он чуть склонил голову. — Мы с помощником

почти закончили утреннюю вахту. Пора подкрепиться перед выходом в море.

— В школу, — поправила я, стараясь скрыть улыбку. — Выход в школу, Марс.

— Суть та же, — он взял полотенце и вытер пот со лба. — Борьба за знания — та же

битва. И проигрывать в ней не пристало Арсеньевым.

Завтрак прошел в удивительной тишине. Марс следил за тем, чтобы Ярик доел кашу,

а сам лишь пил пустой чай, глядя в окно. Было в его молчании что-то монументальное. Я ловила себя на том, что постоянно сравниваю его с Федором. Федор вечно жаловался на несправедливость начальства, на плохую погоду, на остывший кофе. Марс же просто... был. Как скала, о которую разбиваются волны.

Когда пришло время выходить, Марс сам проверил рюкзак сына.

— Ботинки? — коротко спросил он.

Ярик с гордостью выставил ногу. Кроссовки сияли так, что в них можно было разглядеть отражение люстры.

— Добро, — Марс кивнул и подошел к двери вместе со мной.

Я ждала, что он просто кивнет, но он вдруг взял мою руку. Его ладонь была горячей и сухой, мозолистой — откуда у офисного планктона Федора такие мозоли? — и он прикоснулся губами к моим пальцам. Жест был таким естественным и одновременно таким архаичным, что у меня перехватило дыхание.

— Удачного дня, сударыня. Мы с Ярославом будем ждать вашего возвращения. Я вышла в подъезд, чувствуя, как горят щеки. «Это просто игра», — твердила я себе, нажимая кнопку лифта. «Он просто сошел с ума, а ты ведешься, как школьница».

Но стоило мне добраться до архива, как здравый смысл начал давать сбои. Моя работа в историческом фонде обычно была моей тихой гаванью. Запах старой бумаги, тихий шелест страниц, пыльные папки — здесь всё было предсказуемо.

Но сегодня буквы на страницах словно издевались надо мной.

Я открыла папку с чертежами фрегата «Смелый», ту самую, о которой Марс говорил в субботу. Я начала перепроверять его замечания об оснастке и калибре орудий. Час, два, три... Я рылась в комментариях судостроителей XVIII века, в частной переписке адмиралов.

Холодный пот прошиб меня, когда я наткнулась на маргиналии в дневнике одного из мичманов той эпохи. Там, мелким почерком, было указано: «По приказу командира Арсеньева калибр на нижней палубе был изменен в обход чертежей для лучшей остойчивости при боковом крене».

Марс был прав. Он не просто «интересовался историей». Он знал то, что не было внесено в официальные летописи. То, что знали только те, кто стоял на той

самой палубе в 1791 году.

Я дрожащими руками отодвинула папку.

— Мария Сергеевна, с вами всё в порядке? — спросила моя коллега, пожилая Лидия

Ивановна, поправляя очки. — Вы бледная, как архивный лист.

— Да... просто не выспалась, — я выдавила улыбку. — Лидия Ивановна, у нас в фонде

«Дворянские гнезда» оставались личные дела офицеров Балтийского флота? Семья

Арсеньевых.

— О, Арсеньевы, — оживилась она. — Знаменитый род. Только там всё разрозненно.

Кое-что в Питере, кое-что у нас. А зачем вам? Вы же вроде по экономике флота

специализировались?

— Личный интерес. Семейная легенда.

Лидия Ивановна ушла в хранилище, а я сидела, глядя в одну точку. Мой муж,

человек, который не мог запомнить дату моего дня рождения, три дня назад

чуть не умер. А теперь он цитирует секретные распоряжения двухсотлетней

давности и целует руки так, будто вырос в Зимнем дворце.

Через полчаса на моем столе лежала тонкая, пожелтевшая папка. «Арсеньев Михаил

Михайлович. Личное дело».

Я боялась её открывать. Внутри меня боролись два человека: ученый, который

требовал доказательств, и женщина, которая до смерти боялась их найти.

Я раскрыла папку.

Первым, что я увидела, была копия карандашного наброска. На нем был изображен

молодой мужчина в мундире гардемарина. Художник был посредственным, но ему

удалось передать главное: разворот плеч, жесткую линию рта и глаза.

Я задохнулась. Эти глаза смотрели на меня сегодня утром на кухне. Тот же наклон

головы, тот же холодный блеск. Это не было «похоже». Это было одно и то же

лицо, разделенное двумя веками.

Я начала судорожно читать описание службы.

«...Отличался крутым нравом и безмерной преданностью флоту. В быту воздержан, к

крепким напиткам пристрастия не имел, чего и от подчиненных требовал

неукоснительно. Пропал без вести при сражении у мыса Калиакрия.

Свидетели утверждали, что мичман Арсеньев оставался на мостике до

последнего, прикрывая отход шлюпок с ранеными...»

К крепким напиткам пристрастия не имел.

Я вспомнила Федора. Федора, который мог вылакать бутылку водки за вечер и уснуть

в коридоре. Федора, который вечно сутулился, пряча глаза.

А потом я вспомнила Марса, выливающего спиртное в раковину. «Отрава превращает

воина в скотину».

Я закрыла папку. Руки тряслись так, что я не могла попасть по клавишам телефона.

— Этого не может быть, — прошептала я, игнорируя удивленный взгляд Лидии

Ивановны. — Это безумие.

Я схватила сумку и выскочила из архива. Мне нужно было домой. Мне нужно было

увидеть его, заглянуть в эти глаза еще раз и найти там хоть что-то от моего

Федора. Хоть одну привычную черточку, хоть одно знакомое выражение лица.

Город за окном автобуса казался нереальным, декорацией к плохому фильму. Люди со

смартфонами, шум машин, яркие вывески — как всё это должен воспринимать человек,

который засыпал под пушечную канонаду?

Я влетела в квартиру, даже не сняв пальто.

— Марс! — крикнула я с порога.

Из гостиной вышел он. В руках у него была книга — моя старая энциклопедия. На

плече сидел Ярик, который самозабвенно возился с каким-то узлом на веревке.

— Что случилось, Мария Сергеевна? — Марс мгновенно оценил мое состояние. Он

поставил сына на пол и сделал шаг ко мне. — На вас лица нет. Кто-то вас

обидел?

Он произнес это так просто, но в его голосе прозвучала такая ледяная готовность

защищать, что я невольно отступила.

— Кто ты? — выдохнула я, глядя на него с ужасом и восторгом одновременно. —

Скажи мне правду. Федор никогда не знал о калибре пушек на «Смелом». Федор

никогда не держал спину так ровно. И Федор никогда... никогда не смотрел на меня

так, как смотришь ты.

Марс замер. Он медленно подошел ко мне. Я чувствовала запах морозного воздуха и

чистого мыла — запах, который теперь заменял мне всё остальное.

— Правда — это опасный груз, Мария, — произнес он очень тихо, почти касаясь

моего уха. — Вы уверены, что ваш... современный разум готов её принять?

— Я историк, Марс. Я привыкла работать с прошлым.

— Одно дело — изучать прошлое в книгах, — он коснулся моей щеки кончиками

пальцев. — И совсем другое — когда оно стоит в вашей прихожей и хочет

пригласить вас на прогулку.

Он улыбнулся. И в этой улыбке было столько подлинной, мужской силы, что мои

колени подогнулись.

— Пап, а мы пойдем сегодня в парк? — подал голос Ярик.

— Пойдем, юнга. Но только если мама разрешит нам составить ей компанию.

Я посмотрела на них — на своего сына, который за три дня расцвел, и на этого

мужчину, который был призраком, но казался более живым, чем все люди,

которых я знала.

Развод? В моем кармане лежало заявление, которое я должна была подать. Но сейчас

оно казалось мне просто клочком бумаги, не имеющим никакой силы против того

шторма, который ворвался в мою жизнь.

— Разрешаю, — прошептала я. — Идемте.

Я еще не знала, что за дверью нашей квартиры нас уже подстерегает прошлое Федора

— то самое, которое не так легко отпустить, как пустую бутылку. Но в тот момент,

глядя на Марса, я впервые за десять лет почувствовала себя не просто историком,

изучающим руины, а женщиной, у которой наконец-то появился капитан.

И этот капитан явно не собирался сдавать свою крепость без боя. Даже если эта

крепость находилась в XXI веке.

Глава 8(Марс/Михаил)

Октябрьский воздух в городском парке был колючим и сырым, он напоминал мне промозглые утра на Кронштадтском рейде, когда туман наплзает на гранитные набережные, пряча в своих складках очертания фрегатов. Только здесь вместо криков чаек и скрипа талей уши резал несмолкаемый гул «железных карет», а вместо запаха дегтя и соленой пеньки в ноздри забивалась вонь гари и дешевой еды из киосков.

Я шел, стараясь сохранять ту размеренную походку, которой меня учили в кадетском корпусе. Тело Федора Арсеньева, хоть и очищенное моими усилиями от самого острого хмельного яда, всё еще оставалось тяжелым и неповоротливым. Оно ныло в пояснице и просило отдыха, но я не позволял ему этой позорной неги. Рядом вприпрыжку бежал Ярослав. Мальчик сиял. В его руках была та самая веревка, которую я выдал ему утром. Он то и дело останавливался у каждой скамейки, пытаясь обвязать её вокруг чугунных ножек «булинем» — тем самым узлом, который я показал ему вчера.

— Смотри, Капитан! — воскликнул он, оборачиваясь ко мне. Его лицо, еще недавно бледное и испуганное, теперь раскраснелось от ходьбы и азарта. — Правильно?

Петля, змея вышла, обогнула дерево и обратно в нору!

Я подошел, склонился над его работой. Узел был завязан верно, хоть и немного рыхло.

— Добро, юнга, — я коротко кивнул, и мальчик просиял еще ярче. — Но помни: в море узел — это вопрос жизни. Затягивай крепче, словно от этого зависит, удержит ли канат твой берег.

Мария шла чуть поодаль. Я чувствовал её взгляд кожей затылка. Этот взгляд жег сильнее, чем полуденное солнце в тропиках. После нашего утреннего разговора в прихожей, когда она почти вплотную подошла к разгадке моей тайны, между нами воцарилось странное, вибрирующее напряжение. Она изучала меня, как редкий

документ, пытаюсь понять, где заканчивается её муж и начинаюсь я — тот, кого

она назвала «Марсом».

Я знал, что обманываю её. Каждый мой вдох в этом теле был кражей. Но глядя на

то, как Ярослав впервые за долгое время смеется, не оглядываясь в страхе на

отца, я понимал: этот обман — самая благородная служба, которую я когда-либо

нес.

Внезапно в кармане моей куртки задрожало «черное зеркало».

Я уже научился справляться с этим прибором, хотя он до сих пор казался мне

порождением сомнительной магии. Я вытащил его, глядя на светящийся экран.

Имя «Жанна» всплыло на стекле, заставив мои губы сжаться в тонкую линию.

Жанна. Призрак из того грязного прошлого Федора, о котором Мария лишь

догадывалась, но которое я теперь ощущал как липкую грязь на своих

сапогах. В памяти Федора, затянутой тиной алкогольного забвения, эта женщина

всплывала яркими, вульгарными пятнами: запах приторных духов, фальшивый смех и

бесконечные требования денег.

Я замедлил шаг, пропуская Марию и Ярика вперед.

— Алё, Феденька! — голос из трубки был резким, как скрип несмазанной уключины. —

Ты что, в спячку впал? Несколько дней не звонишь, трубку не берешь. Я уже начала

думать, что твоя мымра историческая тебя под замок посадила.

Волна ледяного отвращения окатила меня. Я взглянул на Марию — её стройный

силуэт, благородный профиль, тихую грацию. Сравнение этой женщины с той,

что сейчас визжала в трубке, было оскорблением самого мироздания.

— Сударыня, — произнес я, и мой голос прозвучал как удар обухом. — Я не знаю,

кто вы такая, но настоятельно прошу вас впредь выбирать выражения. Имя моей

жены не должно слетать с ваших губ.

В трубке наступила тишина. Такая глубокая, что я услышал, как где-то на другом

конце города Жанна судорожно вздохнула.

— Федь... ты чего? — голос её стал тише, в нем прорезались нотки растерянности.

— Какая «сударыня»? Ты чего, перепил или головой стукнулся? Это же я, Жанночка.

Твоя

девочка. Ты забыл, как мы в «Золотом якор» зажигали? И вообще, ты мне за квартиру задолжал за два месяца. Если сегодня не привезешь бабки, я твои

шмотки на помойку выкину.

Я остановился у старой липы. Желтые листья осыпались мне на плечи, как обрывки старых знамен.

— Слушайте меня внимательно, — сказал я, и в моем тоне не осталось ничего, кроме холодной стали. — Квартира, о которой вы говорите, меня более не интересует.

Вещи можете оставить себе или сжечь — мне всё равно. Что касается долгов...

Если у вас есть законные бумаги, подтверждающие мои обязательства — предъявите их в установленном порядке. Если нет — забудьте этот номер. И более не смейте

беспокоить мою семью. Честь имею.

Я нажал на красную кнопку, обрывая этот поток нечистот. Сердце в груди Федора

билося неровно — привычка этого слабого тела пугаться любого конфликта всё

еще жила в нем. Но я заставил его успокоиться.

— Кто это был? — Мария стояла в нескольких шагах. Она обернулась, заметив, что я отстал. Её глаза были прищурены, в них читалась привычная горечь. Она видела,

что я говорил по телефону, и, судя по её лицу, уже вынесла свой приговор.

— Прошное, Мария Сергеевна, — ответил я, убирая прибор в карман. — Мусор,

который вынесло на берег после шторма. Не стоит вашего внимания.

— Прошное Федора редко бывает «просто мусором», — горько заметила она. — Обычно

оно требует денег, водки или скандала. Это была она? Та женщина, с которой

ты...

Она не договорила. Слово «изменял» застряло у неё в горле. Я видел, как она

сжала кулаки, пряча руки в карманы пальто.

Я подошел к ней. Близко. Так, чтобы она видела — я не отвожу глаз. В моем мире

офицер, уличенный в бесчестии, либо стрелялся, либо шел под суд. Федор выбрал

путь труса — он просто пил. Я же не собирался бежать.

— Мария, — я намеренно опустил её отчество, и она вздрогнула от этой внезапной

интимности. — Тот человек, который давал поводы для вашей боли, более не

властен над этим домом. Я не прошу у вас прощения за него — я не имею на это права. Но я обещаю вам: ни одна грязь из прошлого более не коснется порога этой квартиры.

Она смотрела на меня долго, испытующе. Ветер растрепал прядь её волос, и я невольно поднял руку, чтобы поправить её, но вовремя остановился. Мои пальцы замерли в паре дюймов от её щеки.

— Ты так странно говоришь... — прошептала она. — Как будто ты — это не ты. Если бы я не видела твое лицо, я бы решила, что со мной говорит человек из другой эпохи. Из тех времен, о которых я пишу в своих работах.

— Возможно, история иногда возвращается, чтобы исправить свои ошибки, — ответил я.

Нашу паузу прервал Ярослав.

— Капитан! Мам! Смотрите, там площадка! Можно мне туда?

Мария кивнула, и мальчик умчался к качелям. Мы остались вдвоем на аллее.

— Мне нужно уйти на час, — сказал я. — Есть одно дело, которое требует завершения. Я должен закрыть этот счет, чтобы он не висел над нами камнем.

— Федор... — в её голосе прорезался страх. Старый, вьевшийся страх, что я уйду и вернусь пьяным. Или не вернусь вовсе.

Я взял её за руку. Мои пальцы сжали её ладонь — нежно, но с той силой, которая не терпит возражений.

— Слово офицера, Мария. Я вернусь ровно через час. И я буду трезв.

Она медленно кивнула, отпуская мою руку. В её глазах я увидел крохотную, хрупкую, как первый лед, искорку доверия. И я знал, что скорее пушу пулю в лоб, чем позволю этой искре погаснуть.

Место встречи, которое назвала Жанна, находилось в паре кварталов от парка — дешевая кофейня с грязными стеклами и запахом горелых зерен. Я шел туда не как любовник к пассиве, а как следователь к преступнику.

Жанна сидела за угловым столиком. Она была именно такой, какой я её представлял по обрывкам памяти Федора: яркие, крашенные в неестественный рыжий цвет волосы, слишком много мази на лице, которую здесь называли «макияжем», и одежда,

выставляющая напоказ то, что приличная женщина должна скрывать. На столе

перед ней стоял высокий стакан с чем-то розовым и лежала пачка тонких сигарет. Увидев меня, она вскочила, собираясь, видимо, повиснуть у меня на шее, но я

остановился в двух шагах, заложив руки за спину. Мой взгляд, холодный и

прямой, заставил её осечься.

— Ого... — она медленно опустилась обратно на стул. — Федь, ты чего? Будто аршин

проглотил. И взгляд... ты чего так смотришь? Будто я тебе чужая.

Я сел напротив. Стул был неудобным, шатким, но я держал спину так, словно под

курткой на мне был парадный мундир с золотым шитьем.

— Вы мне и есть чужая, сударыня, — произнес я. — И я пришел сюда лишь для того,

чтобы это зафиксировать.

— «Сударыня»? — она нервно рассмеялась, потянувшись за сигаретой. — Слушай,

Арсеньев, завязывай с театрами. Тебя что, по голове сильно

ударили? Где мои бабки? Я из-за тебя в долгах, ты обещал, что мы в Турцию

полетим в октябре...

Я смотрел на её суетливые движения, на длинные, крашенные когти, на то

тошнотворное сочетание фальши и жадности, которое исходило от неё.

Федор Арсеньев был дураком. Он променял золото своей жены на этот дешевый

медный блеск.

— Никакой Турции не будет, — сказал я, и мой голос заставил людей за соседним

столиком обернуться. — И денег тоже. Всё, что Федор Арсеньев обещал вам в

состоянии дурмана, аннулировано его смертью.

— Каким «смертью»? Ты же вот он, сидишь! — она ткнула в меня пальцем.

— Тот человек, которого вы знали, умер в реанимации три дня назад. На его месте

теперь я. И у меня нет перед вами ни долгов, ни обязательств, ни желания

продолжать это сомнительное знакомство.

Жанна прищурилась. В её глазах вспыхнула злоба — злоба мелкой хищницы, у которой

отбирают добычу.

— Ах, вот как? — она подалась вперед, и от неё пахнуло смесью никотина и

приторной сладости. — Решил стать святошей? Жена под юбку припрятала?

Так я ведь могу и прийти к ней. Рассказать, как ты у меня на коленях ползал и умолял не бросать. Рассказать, как ты деньги из её заначки таскал, чтобы мне сережки купить. Думаешь, она тебя после этого в дом пустит? Я почувствовал, как к горлу подступает ярость. Не та мутная, бессвязная злоба Федора, а чистый, кавалерийский гнев. Я медленно наклонился к ней. Моё лицо было в паре дюймов от её, и я видел, как расширились её зрачки от страха. — Послушайте меня внимательно, — я чеканил слова, как удары барабана. — Если вы хотя бы раз приблизитесь к моей жене или моему сыну, если вы хотя бы раз позвоните в наш дом — я не буду обращаться в полицию. Я уничтожу вас. Я найду способ сделать вашу жизнь невыносимой, используя все законные и незаконные средства. Вы для меня — пыль под сапогами. И я не советую этой пыли подниматься в воздух, когда я иду мимо. Я выпрямился. Жанна замерла, её рука с сигаретой дрожала. Она видела, что перед ней не тот Федя, которого можно было шантажировать бутылкой или лаской. Перед ней был враг. Опасный, беспощадный и абсолютно трезвый. — Пошла вон, — произнес я тихо. Она вскочила, опрокинув стакан. Розовая жидкость потекла по столу, капая на её сумку. — Ты... ты псих! — выкрикнула она, привлекая внимание всего кафе. — Ты реально чокнулся! Да подавись ты своей историчкой! Неудачник! Она почти выбежала из кафе, цокая каблуками. Я смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри наступает странная, пустая тишина. Счет был закрыт. Гнилая нить, связывавшая это тело с дном, была перерезана. Я вышел на улицу. Октябрьский ветер тут же ударил в лицо, смывая запах дешевых духов. Я посмотрел на часы — у меня оставалось еще десять минут. Я зашел в небольшой цветочный магазин неподалеку. Там пахло землей и свежестью — ароматами жизни, а не тлена. — Сударыня, — обратился я к молодой девушке за прилавком. — Мне нужны цветы. Самые лучшие. Те, что не кричат о своей красоте, а шепчут о достоинстве. Девушка удивленно моргнула, но через пару минут собрала букет из белых хризантем

и веточек чего-то серебристого. Простой, строгий и чистый.

Я вернулся в парк ровно через пятьдесят пять минут.

Мария и Ярик сидели на той же скамейке. Сын увлеченно рассказывал матери что-то,

активно жестикулируя. Увидев меня, он вскочил:

— Капитан! Ты вернулся!

Мария поднялась медленнее. В её взгляде был вопрос, страх и робкая надежда. Я

подошел к ней и протянул букет.

— Я обещал вернуться через час, — сказал я, глядя ей прямо в глаза. — Мои дела

завершены. Навсегда.

Она взяла цветы, и я увидел, как её пальцы коснулись лепестков. Она вдохнула их

аромат, и на её губах появилась слабая, почти невесомая улыбка.

— Белые хризантемы... — прошептала она. — Знаешь, в языке цветов девятнадцатого

века это означало искренность.

— Я не знаю языка цветов, Мария, — ответил я. — Но я знаю язык правды.

Я взял Ярика за руку. Тело Федора Арсеньева

больше не казалось мне тяжелым. Оно было моим инструментом, моим фрегатом,

который я наконец-то вывел из мутных вод в открытое море.

Мы шли к дому, и в этом осеннем вечере, среди шума большого города, я впервые

почувствовал, что мой развод действительно отменяется. Но не потому, что я

был Федором. А потому, что я наконец-то стал человеком, за которым эта

женщина была готова идти сквозь любой шторм.

Слово гардемарина.

Глава 9

Белые хризантемы стояли на кухонном столе в простой стеклянной вазе, и в свете тусклой потолочной лампы они казались какими-то нереальными, почти светящимися. Я поймала себя на том, что уже десять минут просто сижу и смотрю на них, забыв про остывающий чай. В последний раз Федор дарил мне цветы... кажется, на выписку из роддома. И это были вялые розы в целлофане, купленные на бегу, чтобы «отметиться».

Эти же хризантемы были другими. В них чувствовался выбор. В них чувствовался

Марс.

Я перевела взгляд на прихожую. Полка, которая года три висела на одном честном слове и куске скотча, теперь стояла идеально ровно. Марс нашел инструменты,

выровнял уровень и вбил новые дюбеля. Он не просил похвалы, не ныл, что у

него «лапки» или болит спина. Он просто увидел изъян и устранил его.

В квартире стало... чище. Не в плане отсутствия пыли — я и раньше старалась всё

вылизывать, — а в плане атмосферы. Как будто из углов вымели тяжелый, липкий

туман, который скапливался годами.

«Это не он, — в сотый раз прошептал мой внутренний голос. — Федор Арсеньев умер

в ту ночь. Перед тобой кто-то другой».

Я вздрогнула от этой мысли. Как историк, я привыкла доверять фактам, но факты

сейчас вели себя как безумцы. Каллиграфия, знание парусной оснастки,

фантомные боли... и этот взгляд. Взгляд человека, который не просто

живет, а несет караул.

Нужно было что-то предпринять. Я взяла телефон и, помедлив, набрала номер

свекрови. Мы с Анной Викторовной не общались месяца три. Она давно

вычеркнула сына из своей жизни, устав от его бесконечного вранья и пьяных

звонков с просьбами занять денег.

— Алло, — голос свекрови прозвучал сухо и настороженно. — Анна Викторовна, это

Маша. Добрый вечер.

На том конце воцарилась тишина. Я почти физически почувствовала, как она натягивает защитную броню. — Что-то случилось? Опять деньги? Сразу говорю, Маша, у меня только пенсия, я... — Нет-нет, — перебила я. — Деньги не нужны. Федор... он был в больнице. Клиническая смерть. — Господи, — выдохнула она, но в голосе не было рыданий. Скорее, усталое «наконец-то это произошло». —

И что теперь?

— Он выжил. Но он... изменился. Анна Викторовна, я хотела спросить. В роду

Арсеньевых были какие-то странности? Может быть, семейные легенды? Что-то

о мичмане Михаиле, который пропал в восемнадцатом веке?

Свекровь помолчала. Я услышала, как она звякнула чашкой о блюдец. — Маша, ну что

за фантазии? Какое восемнадцатое столетие? Дед Федора всегда бредил

морем, это правда. У него и взгляд был такой... тяжелый, как у Федора сейчас,

наверное. Матросом на Северном флоте служил. Всё твердил, что Арсеньевы — кость

морская, что кровь у них соленая. Но Федор в него не пошел. Слабенький он всегда

был, ведомый.

— А почерк? У кого-то в семье был красивый, каллиграфический почерк?

— Маша, ты переутомилась, — в голосе Анны Викторовны прорезалось раздражение.

— Федор

пишет как курица лапой с первого класса. Если он вдруг начал выводить

вензеля, значит, мозги прищемило в этой твоей реанимации. Ладно, мне пора.

Сериал начинается. Звони, если... ну, если что-то действительно важное будет.

Она положила трубку. Я вздохнула. Никакой мистики, никакой семейной тайны, за

которую можно было бы зацепиться. Просто «мозги прищемило».

Резкий, требовательный звонок в домофон заставил меня подпрыгнуть. Я взглянула

на часы. Почти девять вечера. Марс и Ярик были в детской — я слышала, как муж

что-то негромко объясняет сыну, кажется, они разбирали карту звездного неба.

Я подошла к трубке. — Кто? — Маша, открывай. Это Игорь. Нам с Федей поговорить

надо. Срочно.

Холод пробежал по спине. Игорь. Бывший заместитель начальника отдела, где

работал Федор. Слизень в дорогом костюме. Именно он втянул Федора в какую-то авантюру с откатами, а потом красиво вышел сухим из воды,

подставив моего мужа. Федор его до смерти боялся.

Я нажала кнопку открытия. Через минуту на пороге стоял мужчина, от которого за версту разило парфюмом «элитного успеха» и дешевой самоуверенностью. Игорь поправил лацкан кашемирового пальто и зашел в прихожую, даже не дождавшись приглашения.

— Привет, Машуль. Выглядишь... ну, как всегда. Исторически. Федор где? Говорят,

он из мертвых восстал?

— Федор восстанавливается после тяжелой травмы, Игорь. Ему нельзя волноваться.

Что ты хотел?

Игорь усмехнулся, бесцеремонно проходя на кухню. Он сел на табурет, брезгливо

оглядывая наши скромные шкафчики, и выложил на стол пухлую папку. — Ему

придется поволноваться. И тебе тоже. Видишь ли, Маша, аудит в компании

закончен. И выяснились неприятные вещи. Подписи твоего благоверного стоят

под такими документами, за которые в этой стране дают лет семь. Плюс —

недостача. Три миллиона, Машенька.

У меня потемнело в глазах. Три миллиона? Да мы за всю жизнь столько не видели.

— О чем ты говоришь? Он не мог... он просто подписывал то, что ты ему подсовывал!

Он же пил тогда, он не понимал!

— Суду будет плевать, понимал он или нет, — Игорь вальяжно откинулся назад. —

Подпись есть. Деньги выведены. Жанна, кстати, много интересного рассказала.

Как Федор ей бриллианты покупал на «премиальные».

Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Жанна. Эта рыжая стерва и

Игорь — они явно спелись.

— И что ты хочешь? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я хочу, чтобы долг был закрыт. По-тихому. У вас квартира большая, в хорошем районе.

Старый фонд. Как раз три миллиона разницы с какой-нибудь однушкой на окраине

выйдет. Либо Федор подписывает чистосердечное и едет в места не столь

отдаленные, а ты остаешься одна с ребенком и долгами, либо вы продаете

жилье и расходимся краями. У вас неделя.

Это был удар под дых. Прямо в солнечное сплетение. Эта квартира была моим

единственным тылом, наследством бабушки. Местом, где вырос Ярик.

— Вы закончили, сударь?

Голос Марса разрезал пространство кухни, как острая сабля. Я не слышала, как он

вошел. Он стоял в дверном проеме, скрестив руки на груди. На нем была простая

черная футболка, которая теперь плотно облегла его раздавленные плечи. Осанка

— прямая, как мачта. Взгляд — такой, что Игорь невольно втянул голову в плечи.

— О, Федя! — Игорь попытался вернуть себе развязный тон, но вышло жалко. — Ты

что, в качалку записался в коме? Слушай, я тут твоей жене объяснял

ситуацию...

Марс подошел к столу. Медленно. Каждое его движение было наполнено скрытой

угрозой. Он взял папку, которую принес Игорь, и начал медленно

перелистывать страницы. Я видела, как его брови сошлись к

переносице. Он читал современные юридические термины с трудом, но суть

— предательство и воровство — понимал безошибочно.

— Ты... ты подделал мою подпись? — спросил Марс. Голос его был тихим, но в этой

тишине слышался гул надвигающегося шторма.

— Почему подделал? — Игорь заерзал на стуле. — Ты сам всё подписывал, Федя. Мы

же вместе дело делали. Ты просто забыл, память-то того... после остановки

сердца.

Марс внезапно схватил Игоря за воротник пальто и одним рывком поднял его с

табурета. Игорь пискнул, его лакированные туфли едва касались пола.

— Слушай меня, вошь, — Марс приблизил свое лицо к лицу Игоря. — Я не знаю,

какими грязными делами вы занимались с тем человеком, чье имя я ношу. Но я

знаю одно: честь офицера не продается за бумажки. И я никогда не позволю

угрожать даме в моем присутствии.

— Ты что... ты чего, Федь?! — Игорь забил ногами по воздуху. — Я полицию вызову!

Это нападение! Посажу тебя!

— Садись, — Марс буквально впечатал его обратно в табурет. — И докладывай по форме. Кто брал золото? Кому ты платил за молчание?

— Какое золото?! Бабки на счета выводили! — Игорь сорвался на визг. — Через фирму-прокладку Жанны! Ты сам согласился, тебе на бухло не хватало и на её хотелки!

Марс замер. Я видела, как на его челюстях заиграли желваки. Позор. Горький, липкий позор Федора Арсеньева теперь жег и его душу. Он понял, что его потомок (или тот, чье тело он занял) был не просто слабым человеком, а вором.

— Значит, Жанна, — Марс медленно выдохнул. — Она и ты. Вы решили, что нашли легкую добычу.

Он взял со стола одну из бумаг, внимательно посмотрел на подпись Федора — ту самую, корявую, — а потом взял мою ручку Parker, которая всё еще лежала здесь, и рядом, на полях, вывел один-единственный вензель. Свою каллиграфическую «А».

Игорь уставился на листок. Он ничего не понял в каллиграфии, но он почувствовал разницу в силе.

— Уходи, — сказал Марс. — Бумаги останутся здесь. Я изучу их. И если я найду хоть одно доказательство твоей лжи — а я найду, — ты будешь молить о тюрьме как о спасении. Потому что честь семьи я буду защищать иным способом. Не по вашим нынешним законам, а по моим собственным.

Игорь вскочил, дрожащими руками схватил свое пальто. — Ты... ты ненормальный! Ты реально в психушку уедешь! Жанна была права, ты конченный! Мы заберем эту квартиру, увидишь! Через суд заберем!

Он выскочил из кухни, а через секунду в прихожей хлопнула дверь. В кухне воцарилась тяжелая тишина. Я стояла, вцепившись в край стола, и чувствовала, как меня бьет крупная дрожь. — Три миллиона... — прошептала я. — Марс, они отберут квартиру. У них подписи, у них связи. Федор действительно это делал, я знаю... Он всегда был трусом перед

сильными.

Марс подошел ко мне. Он положил свои огромные, горячие ладони мне на плечи. От

него исходило такое спокойствие, что мой панический ужас начал медленно

отступать, сменяясь странным оцепенением.

— Смотри на меня, Мария, — велел он.

Я подняла глаза. В его зрачках не было и тени страха. Там была сталь и решимость

человека, который привык выигрывать сражения даже на тонущем корабле.

— Мы не сдадим эту крепость. Никому. Я не позволю лишить тебя и юнгу крова из-за

грехов мертвеца.

— Но где мы возьмем такие деньги?! У нас нет ничего! Моей

зарплаты не хватит даже на проценты!

— Золото всегда можно добыть, если у тебя есть воля и верный клинок, — произнес

он, и в его голосе проскользнула странная, почти пугающая улыбка. — В этом мире

тоже есть море. А значит, есть и способ заработать честным трудом. Я найду

выход, Мария. Слово Арсеньева.

Он обнял меня. Впервые. Это не было объятием мужа — это было объятие защитника.

Я прижалась лицом к его груди, слушая мерный, мощный стук его сердца. И в этот

момент мне было плевать, Федор это или мичман из прошлого. Мне просто было

нужно, чтобы кто-то сильный сказал мне, что всё будет хорошо.

На столе завибрировал телефон Марса, который он оставил здесь. Я невольно

взглянула на экран.

«Пропущенный вызов: Жанна». И следом сообщение: «Игорь зашел? Не глупи, Федя.

Подпиши всё, и я позволю тебе жить спокойно. Игорь злой, он тебя уничтожит».

Я поняла, что шторм только начинается. Игорь и Жанна — они были как акулы,

почуявшие кровь. Но они не знали одного.

Тот, на кого они охотились, больше не был добычей.

Марс взял телефон, даже не глядя на экран, и просто выключил его. — Завтра я

отправлюсь на разведку, — сказал он. — Мне нужно море, Мария. Пусть даже это

море — всего лишь причал для дорогих игрушек богатых бездельников. Там я найду

свой фарватер.

Я смотрела на него и верила. И в то же время мне было страшно до колик в животе.

Потому что я понимала: этот человек готов на всё ради нашей защиты. А мир вокруг него не привык к таким правилам игры. Удар под дых был нанесен. Но Марс даже не согнулся. Он просто готовился к ответному залпу.

Глава 10

Всю ночь я слушал, как бьется в окно октябрьский дождь. Тряпье, которое называли здесь шторами, плохо защищало от света уличных фонарей, и тени на потолке гостиной казались мне очертаниями вражеских брандеров, идущих на сближение.

Я лежал на жестком полу, подложив руку под голову, и раз за разом прокручивал в памяти визит этого прохвоста Игоря. Три миллиона. Сумма, которую я не мог соотнести с реальностью этого века, но по лицу Марии, по тому, как померк её взгляд, я понял — это катастрофа. Гнилое наследство Федора Арсеньева оказалось глубже, чем я предполагал. Этот человек не просто пропивал

свою жизнь, он закладывал фундамент для крушения всей семьи. «Золото, — думал я, глядя в темноту. — Здесь всё решают не пушки и не сталь, а эти цифры на экранах и клочки бумаги. Но законы чести неизменны: если ты взял в долг, ты должен его вернуть. Или смыть позор кровью».

Второй вариант в этом мире явно не приветствовался, а значит, мне нужно было найти фарватер к деньгам. И сделать это быстро, пока стервятники не начали вырывать доски из нашего дома.

Утро вторника встретило меня гулким туманом и ворчанием собственного желудка.

Тело Федора, лишенное привычного хмельного топлива, требовало либо яда, либо действия. Я выбрал второе.

— Я ухожу на разведку, — сообщил я Марии, когда она вышла на кухню. Она выглядела бледной, под глазами залегли тени — верный признак бессонной ночи.

— Куда? — она замерла с чайником в руке. — Федор, если ты... если ты пойдешь к

Игорю или к Жанне...

— Я иду искать службу, — отрезал я, натягивая куртку. — Мужчина не должен сидеть в каюте, когда судно тонет. Юнга останется с тобой. Я вернусь к закату. Я вышел из дома, чувствуя на спине её тревожный, почти неверующий взгляд. Город

оглушил меня. Грохот железных повозок, суета людей, спешащих в свои бетонные соты — всё это казалось мне лишенным смысла. Я зашел в одну из контор, где, судя по вывеске, требовались «менеджеры». Внутри пахло пластиком и несвежим кофе. Молокосос в узком костюме, чей подбородок еще не знал бритвы, смотрел в мою сторону с таким высокомерием, будто он был по меньшей мере вице-адмиралом. — Арсеньев? — он лениво перелистал мои документы. — У вас пропуски в стаже, увольнение по статье за невыход. Вы понимаете, что наш корпоративный этикет не терпит... Я смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает холодная ярость. Этот мальчишка смел поучать меня «этикету»? Его офис был похож на крысиную нору, где люди добровольно запирали себя в кандалы ради нескольких медяков. — Ваша «служба», сударь, — произнес я, и мой голос заставил его вздрогнуть, — больше похожа на прозябание в трюме. Я привык к открытому небу и честному труду. Честь имею. Я развернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Мне не место среди бумажных душ. Мне нужна была вода. Только там, где гуляет ветер, я мог быть по-настоящему полезен. Я шел пешком несколько часов, повинуюсь инстинкту моряка. Запах большой воды я почувствовал задолго до того, как увидел мачты. Он пробивался сквозь вонь бензина — слабый, солоноватый аромат осени и свободы. Яхт-клуб назывался «Норд-Вест». За кованой оградой теснились белоснежные суда, которые в моем мире назвали бы игрушечными, но здесь они стоили целые состояния. Я подошел к пирсу, глядя, как ветер треплет флаги на верхушках мачт. Сегодня Балтика была не в духе: порывы ветра рвали рябь с воды, а небо наливалось свинцом. Внезапно со стороны дальнего причала донеслись крики. Я увидел современную парусную красавицу — длинную, остроносую, с лакированным деревом бортов. Её пытались пришвартовать четверо парней в ярких куртках. Но они действовали как стадо перепуганных сухопутных крыс. Один тянул шкот слишком

рано, другой не закрепил кранцы. Порыв ветра ударил в парус, который они не успели убрать, и лодку начало наваливать бортом на острый край бетонного пирса.

— Держи её! — орал один, вцепившись в леер. — Трос лопнет! Три миллиона

страховки, идиоты!

Я не раздумывал. Прыжок на бетон, рывок вперед. Мое тело, еще недавно неуклюжее,

отозвалось старой, вбитой розгами и штормами памятью.

— В сторону! — рявкнул я так, что чайки на соседнем причале сорвались с мест.

Я перехватил канат, который жег ладони даже сквозь кожу. В этом веке верёвки

были скользкими, синтетическими, но законы физики не изменились за двести

лет. Я обмотал трос вокруг кнехта — не так, как учили их в школах, а «мертвой

петлей», которую используют, когда судно вот-вот сорвется в ад.

— Ты что делаешь?! — взвизгнул парень в золотых очках. — Отойди от лодки!

— Молчать! — мой голос перекрыл свист ветра в вантах. — Левый борт — кранцы за

борт! Второй — трави шкот, быстро! Трави, я сказал, иначе мачту вырвет с

корнем!

Они подчинились. Не потому, что поняли приказ, а потому, что в моем голосе

звучала власть, которой невозможно было сопротивляться. Это была власть

моря.

В несколько точных движений я усмирил взбесившуюся лодку. Она мягко ткнулась

бортом в защиту и замерла, послушная, как прирученный зверь. Паруса опали.

Шум утих.

Я стоял на причале, тяжело дыша. Ладони горели, куртка была в брызгах воды, но

внутри я пел. Впервые за всё время в этом мире я почувствовал себя на своем

месте.

— Кто это такой? — парень в очках подошел ко мне, потирая обожженные руки. Он

смотрел на меня с опаской и раздражением. — Ты откуда здесь взялся, мужик? Ты

хоть знаешь, сколько этот такелаж стоит?

— Я знаю, сколько стоит человеческая глупость, — ответил я, вытирая руки о

штаны. — Вы едва не разбили судно в тихой гавани. Стыдно, господа.

— А ну-ка, разойдитесь, — раздался за моей спиной густой, прокуренный бас.

К нам шел мужчина лет шестидесяти. Крепкий, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, и седой бородой, подстриженной по-штормовому коротко. На нем был старый, засаленный китель без погон и фуражка с потертым крабом. По тому, как он держался, я сразу понял — передо мной настоящий моряк. Старая кость. Он подошел к кнехту, внимательно изучил мой узел, потрогал натяжение каната.

Затем перевел взгляд на меня. Его глаза, выцветшие от соли и солнца,

прищурились.

— Где учился вязать «адмиралтейский перехват»? — спросил он. — Сейчас так не

вяжут. Сейчас все на лебедках и гидравлике.

— Жизнь научила, — ответил я, выдерживая его взгляд. — В море нет времени на

гидравлику, когда борт трещит.

Старик усмехнулся, обнажив крепкие зубы. — Точно. Эти мажоры думают, что если

купили лодку за пятьдесят миллионов, то ветер им должен кланяться. Я — Борис

Петрович. Главный шкипер и владелец этой «лужи». А ты кто такой? Не припомню

тебя среди наших постояльцев.

— Федор Арсеньев, — я представился именем, которое теперь носил по праву. — Ищу

работу.

Борис Петрович оглядел меня с головы до ног. Его взгляд задержался на моих руках

— грязных, в ссадинах, с набрякшими венами. — Арсеньев, значит... — он задумчиво

пожевал губу. — Слышал я эту фамилию. Ладно, Федор. Мне как раз нужен человек на

такелаж и подготовку судов к зимовке. Эти бездельники, — он кивнул на парней, —

только шампанское открывать умеют. А мне нужен тот, кто чувствует натяжение

троса печенкой.

Он залез в карман кителя, выудил оттуда пачку смятых купюр и протянул мне

несколько крупных бумажек. — Это тебе аванс за сегодняшний спектакль.

Спас мне лодку — спас репутацию клуба. Завтра в восемь ноль-ноль на пирсе.

Форму выдам. Опоздаешь хоть на минуту — вылетишь со свистом. Понял?

— В восемь ноль-ноль я буду на посту, Борис Петрович, — я принял деньги,

чувствуя, как они приятно тяжелят ладонь.

Домой я почти летел. Путь через город больше не казался мне таким мучительным. Я видел цель. В моей голове уже зрел план: работа в клубе, возможно, частные уроки навигации... Я найду способ закрыть долги Федора. Честным путем. Без унижений перед Игорем.

По дороге я зашел в лавку, которую здесь называли «супермаркетом». Я не знал толком цен, но выбирал по инстинкту: большой кусок говядины, свежий хлеб, фрукты для Ярика и бутылку хорошего вина... Нет. Рука замерла над полкой со спиртным. Вино — это слабость. Я купил коробку лучшего чая и сладости. А еще я остановился у цветочного ларька. — Гвоздики, — сказал я продавщице. —

Красные.

Они напоминали мне о победах и о крови, пролитой за правое дело.

Когда я открыл дверь квартиры, в нос ударил запах уютного дома. Мария вышла в прихожую, вытирая руки о фартук. Увидев меня — всклокоченного, с горящими

глазами и пакетами в руках, — она замерла.

— Федор? Что... откуда это?

Я молча выложил на тумбочку цветы и оставшиеся деньги. — Я нашел службу, Мария

Сергеевна. Настоящую. У воды.

Ярик выскочил из комнаты, привлеченный запахами. — Папа! Ты принес мясо? Мы

будем жарить мясо?

— Мы будем пировать, юнга, — я потрепал его по волосам. — Сегодня на нашем судне праздник.

Мария смотрела на деньги, потом на меня. В её глазах стояли слезы, которые она

безуспешно пыталась скрыть. Она подошла и осторожно коснулась моей руки — той самой, со ссадинами от каната.

— Тебе больно? — Совсем нет, — я накрыл её ладонь своей. — Это просто следы работы. Настоящей работы.

Вечером, когда мясо было съедено, а Ярик, утомленный впечатлениями, уснул в

своей комнате, мы остались с Марией на кухне. Обогреватель мерно гудел,

создавая островок тепла.

— Игорь звонил сегодня пять раз, — тихо сказала она, глядя в чашку с чаем. — И

Жанна писала. Они требуют ответа. Марс... что нам делать с этим долгом? Мы не

соберем три миллиона в яхт-клубе, даже если ты будешь работать там сто лет. Я сел напротив неё. В свете лампы её лицо казалось выточенным из драгоценного камня. — Три миллиона — это большая сумма для этого времени, я понимаю. Но Борис Петрович намекнул, что скоро начнется регата для богатых господ. Им нужны опытные шкиперы. А я... я знаю о ветре больше, чем все они вместе взятые. Мы найдем способ, Мария. Главное — не сдаваться. Я взял её за руку. В этот раз она не отстранилась. Напротив, её пальцы крепко сжали мои. — Я не узнаю тебя, — прошептала она. — Иногда мне кажется, что я сплю. Десять лет я ждала, когда ты просто принесешь домой продукты без запаха перегара. А теперь... теперь я боюсь, что ты просто исчезнешь так же внезапно, как появился. — Офицер не покидает пост без приказа, — ответил я, чувствуя, как внутри разливается тепло, гораздо более мощное, чем от любого вина. — А мой приказ — быть здесь. С вами. Я поднялся, собираясь уйти на свой пост в гостиной. — И еще, Мария Сергеевна... — Да? — Тот развод, о котором вы говорили... Месяц еще не прошел. Но я думаю, он может подождать. Пока в нашем трюме не закончится провизия. А я обещаю, что этого не случится. Она слабо улыбнулась. Это была первая настоящая улыбка, адресованная мне, а не воспоминанию. Этой ночью я спал крепко. Мне не снились пушки и тонущие фрегаты. Мне снилось море, чистое и бесконечное, и белое крыло паруса, которое несло мой новый корабль к берегам, где нас больше никто не мог обидеть. Попутный ветер наконец-то наполнил мои паруса. И я не собирался упускать этот галс.

Глава 11

Среда подкралась незаметно, принеся с собой тяжелое, ватное небо и бесконечный мелкий дождь, который превратил город в один большой серый аквариум. В нашей квартире, впрочем, было тепло. Масляный обогреватель, который Марс «приручил» пару дней назад, тихо шелкал в углу, а на кухне пахло заваренным шиповником. Я сидела за своим рабочим столом, заваленным распечатками, архивными выписками и открытыми вкладками на ноутбуке. Готовить лекцию по тактике парусного флота времен Екатерины Великой всегда было для меня удовольствием, но сегодня работа не шла. Буквы плыли перед глазами, превращаясь в причудливые узоры, и за каждым термином — «фордевинд», «крюйс-пель», «квартердек» — мне виделся профиль мужчины, который сейчас жил в моей гостиной. Я пыталась сосредоточиться на сражении у мыса Калиакрия — том самом, где пропал без вести мичман Михаил Арсеньев. По официальным хроникам, адмирал Ушаков там совершил невозможное, но детали маневров некоторых фрегатов оставались туманными. Историки спорили о том, почему правый фланг задержался с разворотом, из-за чего несколько судов попали под перекрестный огонь турок. — Это не так было, — раздался за спиной спокойный, глубокий голос. Я вздрогнула и едва не выронила ручку. Марс стоял в дверном проеме. Он только что вернулся со своей второй смены в яхт-клубе. На нем была простая темно-синяя толстовка, купленная мной вчера взамен его старого тряпья, но даже в ней он выглядел так, словно на плечах у него — золотые эполеты. Его лицо осунулось еще сильнее, скулы стали острыми, как лезвие бритвы, а руки, испачканные мазутом и пахнущие солью, он бережно держал перед собой, не желая ничего испачкать. — Ты напугал меня, — выдохнула я, прижимая ладонь к груди. — Что именно «не так»? Он подошел ближе. Медленно, с той самой вкрадчивой грацией хищника, к которой я

никак не могла привыкнуть. Он заглянул в экран ноутбука, где была открыта реконструкция схемы боя.

— Машенька, — он впервые назвал меня так, и по моей коже пробежала волна странного, пугающего жара. — Тот, кто рисовал этот чертеж, никогда не держал штурвал при встречном галсе. Посмотри на осадку «Смелого». Видишь? Историк пишет, что он шел в полных парусах. Но при таком ветре и такой осадке фрегат просто лег бы на борт. Мы... они не могли идти в галфвинд с поднятыми брамселями. Это самоубийство.

Я замерла. Мои пальцы застыли над клавиатурой. — В официальной летописи указано, что флагман подал сигнал к атаке, и «Смелый» пошел на сближение, — пробормотала я, чувствуя, как внутри всё начинает дрожать от нехорошего предчувствия.

— Сигнал был, — Марс склонился над столом. Его лицо оказалось совсем рядом с моим, я чувствовала холод, исходящий от его одежды, и запах октябрьского моря. — Но адмирал Грейг... вернее, тот, кто командовал авангардом, промедлил. В книгах пишут, что он ждал подкрепления? Вздор. У него просто заклинило рулевую тягу, а плотники не успели исправить это под огнем. Он матерился так, что слышно было на корме соседнего брига. Грейг был сквернословом, каких свет не видывал, но он был гением фланговых обходов, а не трусом.

Он замолчал, и я увидела, как его взгляд затуманился. Он смотрел не на экран, а сквозь него. — Порох... — прошептал он. — Когда начинается залп, небо становится черным. Ты не видишь солнца. Ты слышишь только, как щепы летят в лицо, и как стонут мачты. А запах... это запах серы и соленой крови.

В архивах не пишут, как пахнет победа, Мария. Она пахнет горелым мясом и мокрой пенкой.

Я, повинуясь какому-то необъяснимому порыву, потянулась к телефону и незаметно включила диктофон. Моя профессиональная интуиция кричала: это бесценно. То,

что он говорил, не было галлюцинацией. Это была сенсорная правда, которую невозможно выдумать, прочитав сотню томов.

— Расскажи еще, — попросила я тихо. — Про адмирала. Про Ушакова. Марс усмехнулся, и в этой усмешке было столько горечи и старой, выдержанной

веками гордости. — Федор Федорович был человеком крутым. Если видел

трусость — мог и тростью перетянуть по хребту, невзирая на чины. Но за

матроса своего горой стоял. Перед боем он всегда крестился. А маневр у

Калиакрии... Он просто знал, что турки боятся идти близко к берегу из-за

мелей. А мы не боялись. Мы прошли там, где у них кили бы затрещали.

— Но в летописи написано, что маневр был расчетливым и хладнокровным, — вставила

я, стараясь вести его за собой.

— Хладнокровным? — Марс рассмеялся, и этот смех был похож на хруст ломающегося

льда. — В тот день море кипело. Мы шли по мелководью, и я... и мичманы видели

дно. Песок под килем. Это было безумие, а не расчет. Но это безумие и подарило

нам победу. А «Смелый»... он не просто отстал. У него была пробита ватерлиния.

Командир Арсеньев приказал заделать пробоину телами убитых и запасными

парусами. Только так мы удержались на плаву до заката.

Я слушала его, затаив дыхание. Он описывал детали быта — как пахла каша из

общего котла, как скрипели койки в кубрике, как по ночам крысы шуршали в

трюмах — так живо, что я сама начала слышать шум прибоя.

— Почему ты это рассказываешь мне сейчас? — спросила я, когда он замолчал, глядя

на свои руки — мозолистые, с въевшейся в кожу солью.

Он перевел взгляд на меня. В его глазах отражался свет настольной лампы, и на

мгновение мне показалось, что я вижу в них не своего мужа, а того самого

мичмана, который стоял на мостике тонущего корабля. — Потому что вы пишете

ложь, Мария Сергеевна, — произнес он с печальной улыбкой. — История — это не

даты в ваших свитках. Это люди, которые мерзли, боялись и любили. И если я не

скажу вам правду, то кто скажет?

Он коснулся края моего стола, его пальцы на мгновение задержались рядом с моей

рукой. — В ваших книгах написано, что лейтенант Панин был героем? Запишите в своей «летописи»: Панин струсил. Он заперся в каюте, когда начался аборт. А награду получил, потому что его дядя сидел в Адмиралтействе. Помните об этом, когда будете читать лекцию своим студентам. Правда всегда горькая, как морская вода.

Марс выпрямился, и морок мгновенно рассеялся. Он снова стал «Федором» в синей толстовке, уставшим мужчиной, которому завтра снова идти на причал. — Я пойду, — сказал он. — Юнга уже спит, а мне нужно привести в порядок снасти.

Завтра Борис Петрович обещал выход на большой воде.

Он вышел из комнаты, оставив после себя запах шторма и неразрешимую загадку. Я сидела в тишине, слушая, как бьется сердце.

Рука потянулась к телефону. Я выключила запись. Пятнадцать минут. Пятнадцать минут свидетельства, которое могло бы перевернуть всё представление о

военно-морской истории конца восемнадцатого века.

Но дело было не в истории.

Я встала и подошла к окну. Дождь всё так же барабанил по стеклу. Я вспомнила

Федора. Прежнего Федора. Он никогда не интересовался моей работой. Он считал историю «пыльной чушью для зануд». Он не знал, кто такой Ушаков, и путал фрегат с баржей.

А этот человек... Я включила запись и поднесла телефон к уху. «...запах серы и соленой крови...» — раздался его голос.

Я закрыла глаза. Мой рациональный мир, построенный на фактах, архивах и логике, рассыпался в прах. Я знала, что то, что я слышу — правда. И я знала, что этот мужчина не мой муж.

Но самое пугающее было в том, что я, Мария Арсеньева, строгая женщина и серьезный ученый, влюблялась в каждое его слово. В его мозолистые руки,

в его прямую спину, в его знание того, как пахнет победа.

Я подошла к шкафу, где хранились редкие источники, которые я брала в архиве под честное слово. Там была копия дневника одного из выживших матросов «Смелого». Я

судорожно листала страницы, ища имя «Панин».
И я нашла его. В самом конце, в списке представленных к наградам. А рядом —
приписка карандашом, сделанная чьей-то дрожащей рукой через много лет: «Бог
ему судья. Мы-то видели, кто на самом деле вел нас на abordаж, пока лейтенант
молился за закрытой дверью».
Телефон выпал из моих рук на ковер.
Всё совпало. Каждая деталь. Марс не просто знал историю. Он был её частью.
Я вышла в коридор. Дверь в гостиную была приоткрыта. Я видела его силуэт на полу
— он снова спал на жестком одеяле, подложив руку под голову. Спокойный. Сильный.
Одинокий в этом чужом для него времени.
Я хотела войти. Хотела сесть рядом, коснуться его плеча и спросить: «Как ты
выжил? Зачем ты здесь?». Но я осталась стоять в темноте.
Потому что правда, как сказал Марс, — это опасный груз. И я еще не знала, хватит
ли у меня сил, чтобы его нести.
Развод? Эта бумажка в моей сумке казалась теперь чем-то нелепым, пережитком
другой, маленькой и незначительной жизни. Я не могла развестись с Федором,
потому что Федора больше не существовало.
А развестись с легендой... на это у меня не хватило бы духу даже под страхом
смерти.
Этой ночью мне снилось море. Черное, яростное, пахнущее порохом и свободой. И в
центре этого шторма стоял он, Капитан моего сердца, крепко держа штурвал судна,
которое называлось моей жизнью. И я знала, что пока он на мостике, мы не пойдём
ко дну.
Даже если впереди — только мели и вражеские залпы.

Глава 12(Марс)

(от лица Марса)

Вторую половину ночи небо над городом окончательно прорвало. Дождь бился в

оконное стекло с яростью шрапнели, и ветер завывал в вентиляционной

отдушине, как раненый матрос в лазарете. Я лежал на своем жестком настиле

в гостиной, глядя на то, как по потолку ползают мертвенно-бледные отсветы

уличных фонарей.

Сон не шел. Напротив, чувства обострились до предела. Мое новое судно — плоть

Федора Арсеньева — постепенно обретало былую устойчивость, но вместе с силой

в нем пробуждались иные аппетиты, куда более опасные, чем жажда хмеля.

Я чувствовал её присутствие за стеной. Каждое движение Марии, шорох простыней,

когда она переворачивалась с боку на бок, тихий вздох — всё это отзывалось во

мне глухой, тягучей болью. Мой разум твердил: «Остановись, мичман. Ты —

самозванец. Ты — призрак, захвативший чужую каюту». Но кровь в этом теле

бурлила, требуя своего.

Она была идеалом. В моем времени я встречал блестящих дам, чьи шеи были украшены

жемчугами, а умы — светской чепухой. Но Мария... В ней сочеталась стать знатной

дворянки и острота ума, достойная лучших навигаторов империи. Как она смотрела

на меня сегодня вечером, когда я рассказывал о Калиакрии! В её глазах не было

жалости или страха — в них было восхищение, от которого мне хотелось совершить

невозможное.

Я перевернулся на бок. Плечо снова заняло фантомной болью, напоминая о том, кто

я на самом деле. Ночью эти ощущения всегда становились ярче. Я помнил свист

пули, холодную сталь в кости, но здесь, в 2024 году, на этом плече не было

даже царапины. Тело было чистым, а душа — израненной памятью.

Жажда воды стала невыносимой. К тому же, в груди жгло от невысказанных слов. Я

поднялся, стараясь не скрипеть половицами. Ноги, уже привыкшие к твердости

пола, бесшумно несли меня по коридору.
На кухне царил полумрак. Лишь синий огонек на какой-то эл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.